ТЫСЯЧА
И
ОДНА
ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА,
ПОВѢСТИ
ТАТАРСКІЯ,

Частъ четпертая

Переведены

съ

ФРАНЦУЗСКАГО.

Печатаны при Императорскомъ Москов-скомъ Университетѣ,
1766. года.

* * *

* * * * * * *

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Безъ сомнѣнія ожидали отъ меня сочиненія стольже пространнаго, какъ сказки Арабскія или Персидскія. Я воображаю себѣ, видѣть читателя во удивленіи, а можетъ быть, и съ досадою, что находитъ онъ въ сей части окончаніе исторіи, котораго не иначе онъ надѣялся видѣть, какъ по многоразличнымъ другимъ похожденіямъ. Сей небольшой гнѣвъ почитая я пріятнымъ, ибо оной доказываетъ, что сіе чтеніе ему не наскучило; однако признаю за нужно принести въ моемъ трудѣ оговорку. Хотя сія книга и названа **ТЫСЯЧА и ОДНА ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА**, но естьли объ ономъ разсудить, то ясно увидятъ, что не было моего намѣренія издавать на свѣтъ всѣ повѣсти, разсказываемыя царю Астраханскому. Тому ужѐ прошло больше двухъ лѣтъ, какъ я о томъ упомянулъ въ первой моей части, что Докторъ Абюбекеръ поѣхалъ въ островъ Серендибъ, какъ бенъ Эридунъ предпріялъ забавлять Шемсъ-Эддина по причинѣ лишенія

 шенія

шенія его жены и зрѣнія своего. Такимъ образомъ могу я положить, что прошло болѣе девяти сотъ четвертей часа въ другихъ разговорахъ; и я не о сихъ вознамѣрился увѣдомлять читателя, но единственно о тѣхъ, кои препроводилъ бенъфридунъ съ царемъ Астраханскимъ. Щастливымъ бы себя я почелъ, естьли бъ читатель столько же оными забавлялся, какъ сколько можно то думать, Шемсъ-Эддинъ получилъ отъ того себѣ веселья, и естьли одинъ только недостатокъ приписывать будутъ сочинителю въ краткости сочиненія.

про-

ПРОДОЛЖЕНІЕ

ТЫСЯЧИ
И
ОДНОЙ
ЧЕТВЕРТИ ЧАСА.

ШЕСТИДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

* * *

Какое варварство? вскричалъ Фарукъ: государи мои, сказалъ онъ вельможамъ Гурскимъ, я отрицаюсь отъ престола, когда должно оной прiо-

брѣсть такимъ безчеловѣчнымъ дѣломъ. Пусть царствуютъ мои братья, я взирать буду на ихъ благополучїе безъ зависти; но никогда не оскверню рукѝ моей въ толь безбожномъ дѣлѣ, какое они учинили.

Гурскїе вельможи и весь народъ чрезвычайно тому удивились, и столь чувствительно тронуты были великодушїемъ Фарука, что всѣ единогласно принуждали Календера приговорить въ его пользу. Въ семъ-то и намѣренїе мое состояло, сказалъ имъ разумной старикъ, и я избралъ сїе средство только для того, чтобъ вы сами очевиднѣе могли разсудить, которой изъ сихъ Принцовъ достоинъ былъ владѣть престоломъ. Человѣколюбїе и набожность должны быть первыя добродѣтели въ царѣ, а Фарукъ толь ясно доказалъ опы-

ты

ты тому самимъ дѣломъ, что я бы опасался прогнѣвать великаго нашего пророка, когда бъ единодушно съ вами не избралъ его на царство.

По сему календерову приговору слышны были тысячекратно радостныя восклицанїя, и три Принца вышли изъ города со стыдомъ и великимъ смущенїемъ. Они были въ отчаянїи, что не только исключены были отъ престола гласомъ народа, но что еще по жадности своей къ царствованїю, такое учинили богомерзское дѣло, которому сами они ужасались; и вознамѣрясь истребить Фарука, вышли они изъ Гура въ тѣхъ мысляхъ, что какбы нибудь оное предпрїятїе исполнить.

Между тѣмъ народъ присягалъ въ вѣрности новому царю. Онъ

здѣлалъ свсему отцу великолѣпное погребенїе, и хотѣлъ удержать Календера при себѣ, но сей старой мужъ просилъ его отъ того освободить. Можетъ быть, подумали бы, милостивой государь, говорилъ онъ ему, что милость, которую бы стали вы мнѣ оказывать, была награжденїемъ корыстолюбиваго моего снисхожденїя, разсудивъ въ вашу пользу; а я хочу доказать, что оное я здѣлалъ единственно, слѣдуя разсужденїю моей совѣсти и безъ всякой корыстной причины. Дай боже, чтобъ царствованїе ваше было благополучное, и чтобъ до послѣдняго дня вашей жизни Ангели, записывающїе всѣ ваши слова, ни одного такого не слыхали, которое бы противно было богу. Проговоря сїе, Календеръ нежелая получить отъ царя никакого награжденїя, изъ Гура вышелъ.

Про-

Прошло около трехъ мѣсяцовъ, милостивѣйшїй государь, продолжалъ бенъ-Эридунъ, что Фарукъ царствовалъ спокойно, и что своею кротостїю и правосудїемъ дѣлалъ благополучїе своихъ подданныхъ, какъ его братья напали нечаянно на городъ въ одну весьма темную ночь, болѣе нежели съ шестью тысячами человѣкъ, изъ которыхъ бо́льшая половина была Арапскихъ разбойниковъ. Страхъ здѣлался столь общей, что сїи злодѣи, пользуясь смятенїемъ, разсѣяннымъ по всему городу, умерщвляли все то, что ярости ихъ ни попадалось; но между тѣмъ, какъ упражнялись они въ разграбленїи, Фарукъ собравъ, сколько можно было, офицеровъ и солдатъ, бросился съ своей стороны какъ левъ на своихъ непрїятелей; онъ оказалъ всѣ дѣла̀ мужества храбрѣйшаго человѣка: но

видя почти всѣхъ своихъ побитыхъ вкругъ себя, а притомъ было бы и безразсудно, повергать больше себя опасности, перемѣнился онъ своимъ платьемъ съ однимъ Арапомъ, котораго убилъ онъ изъ своей руки, и здѣлавъ лице его безобразнымъ, удалился только онъ одинъ отъ Гура, и искалъ своего спасенїя въ бѣгствѣ.

Вскорѣ потомъ сей ужасной ночи наступилъ день; кровь видна была текущая ручьями по всему городу, и Арапы нашедши между мертвыми не только того, котораго почитали они за Фарука, въ разсужденїи богатаго его платья, но притомъ Сюффрака, Кобада и Бзармегера, которые всѣ трое погибли на сраженїи по неизбѣжному конечно правосудїю божїю, разграбили все и умертвили, не разбирая ни

лѣтъ,

лѣтъ, ни пола до одного почти человѣка, и разложили огонь съ четырехъ угловъ и посреди города, которой горѣвъ чрезъ три дни, обратился наконецъ въ пепелъ.

Нещастной Фарукъ, лишившись не только престола, но и приведенъ еще будучи до крайней бѣдности, не могъ отдалиться отъ Гура безъ пролитїя слезъ. Пламя, усмотренное имъ издали, лишило его всей надежды вступить когда либо на престолъ своихъ предковъ; и онъ пошелъ отъ сего ужаснаго для него мѣста въ намѣренїи скрывать свои нещастїя отъ всего свѣта.

Минуло уже три дни, что сей Принцъ шелъ по малопроѣжжимъ дорогамъ, какъ увидѣлъ онъ двухъ Календеровъ, сидящихъ на берегу источника, и утоляющихъ свой

голодъ легкою пищею: онъ подошелъ къ нимъ, и доказывая своимъ молчанïемъ, что онъ имѣлъ нужду въ подкрѣпленiи себя пищею, просили они его сѣсть подлѣ себя. Фарукъ, умирая почти съ голоду, вторичнаго потчиванья не дожидался; онъ убралъ въ весьма короткое время все, что Календеры у себя провïанта ни имѣли.

Когда Принцъ насытился, то поджалъ свои руки, и потупя глаза̀ въ землю, столь углубился въ печальныхъ своихъ мысляхъ, что былъ около часа въ такомъ образѣ.

Календеры смотрѣли на него съ удивленïемъ; они чувствительно тронуты были его печалïю; но напослѣдокъ старшей, прервавъ молчанïе, говорилъ ему: другъ мой, намъ столько чувствительна глубокая

бокая твоя печаль, въ которой кажется твой духъ погруженъ, что хотя мы тебя и не больше еще одного часа знаемъ, однако нѣтъ ничего для насъ такого, чегобъ мы не въ состоянїи были предпрїять, сей молодой Календеръ и я, для вспоможенїя въ твоемъ злополучїи, и для избавленїя тебя отъ твоей задумчивости: говори, государь мой, и не отметай малой помощи; но которая, сколь бы безсильна ни была, можетъ быть, здѣлается вамъ гораздо полезнѣйшею, нежели какъ вы о томъ думаете.

Принцъ Гурской, которой до сего времени не говорилъ ни одного слова, слыша такую старикову къ услугамъ готовность, опамятовался. Великодушной Календеръ, сказалъ онъ ему, я прошу меня извинить въ моемъ невѣжествѣ; ны-

нѣшнее мое горестное состоянїе лишило меня почти ума; того ради, пожалуйте мнѣ отпустите, что я оказался неблагодарнымъ за ваше благодѣянїе, я благодарствую также васъ и за великодушныя ваши мысли, и прошу только отъ васъ одной милости, чтобъ принять меня въ ваше товарищество, и позволить мнѣ, чтобъ я жилъ съ вами потому же прáвилу, какое предписываетъ вамъ ваше платье. Какъ, государь мой, отвѣчалъ старикъ не много тому удивясь, не ужè ли вы согласны быть Календеромъ? Ахъ! конечно такъ, продолжалъ Фарукъ, я въ сей же часъ на оное склоняюсь, да притомъ при нынѣшнихъ моихъ обстоятельствахъ и дѣлать мнѣ ничего другаго не осталось: вотъ одинъ перстень, которой только остался у меня отъ безчисленнаго моего богатства,

кото-

которымъ я напредь сего владѣлъ; я продамъ оной при первомъ случаѣ, и пока вестись у насъ будутъ эти деньги, мы будемъ ими жить какъ родные братья. Ты худо насъ знаешь, отвѣчалъ молодшей изъ двухъ Календеровъ, продажа сего перстня намъ не надобна, должно оной беречь до послѣдней крайности; мы такое имѣемъ ремесло, что намъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, только бы лишъ была въ насъ смѣлость, и такъ, государь мой, береги драгоцѣнной сей камень на другой разъ, и о пропитанїи своемъ не заботься. Сей молодой Календеръ говоритъ правду, сказалъ старикъ, главное наше правило состоитъ въ томъ, чтобъ оставлять малое для полученїя большаго; сїя загадка кажется вамъ весьма непонятна, однако я ея вамъ растолкую: мы въ сей жизни имѣемъ

емъ собственнаго нашего одно только увеселенїе, потому что смерть принуждаетъ насъ лишаться земныхъ богатствъ: сколько несносныхъ безпокойствъ, сколько излишнихъ заботъ для сохраненїя сихъ богатствъ! Какое множество непрїятелей опасныхъ! Колико завистливыхъ старающихся насъ изъ того погубить! Что же принадлежитъ до насъ, то единственно упражняясь въ правилахъ Философїи, мы начинаемъ расточенїемъ всего нашего именїя, по крайней мѣрѣ обыкновенно дѣлаютъ такъ разумнѣйшїе между нами, и одѣвшись симъ рубищемъ, напослѣдокъ почитаемъ мы чужое имѣнїе, такъ какъ надежное намъ прибѣжище. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ которой части земли Календеръ не хорошо принятъ бываетъ; только бы лишъ онъ имѣлъ умъ? Найдется ли хотя

тя одинъ, взявъ отъ царя до последняго художника, которой бы не ставилъ себѣ за удовольствїе, или за честь, допустить его къ своему столу, и которой бы не подавалъ ему лучшаго куска? То правда, что надобно нѣсколько употреблять внѣшнее притворство, и со всѣмъ другимъ казаться, нежели каковъ внутри есть: но сему то лицемѣрству долженствуемъ мы почтенїемъ, съ которымъ насъ вездѣ принимаютъ; оно то усыпляетъ ревнивѣйшихъ мужей, и дѣлаетъ насъ прїятнымъ тѣмъ по большой части женщинамъ, которыя кромѣ насъ однихъ, никому почти не кажутся, по ослѣпленной надеждѣ къ нашему одѣянїю. Однимъ словомъ, любезной мой братъ, нѣтъ прїятнѣе и разумнѣе жизни, какъ искуснаго Календера; и когда вы однажды ея отвѣдаете, то я

гора-

гораздо увѣренъ, что вы никогда другой избрать не пожелаете.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Фарукъ слушалъ старика со вниманïемъ: сколь онъ ни имѣлъ причины быть печальнымъ, однако разсужденïя его призналъ разумными.. Родъ вашей жизни, сказалъ онъ ему, столь мнѣ прïятенъ по одному только вашему описанïю, что я нетерпѣливно желаю быть Календеромъ, и носить такое же платье. Это стоитъ только черкнуть раза четыре ножницами, такъ и дѣло здѣлано, отвѣчалъ молодшей, снимите на часокъ съ себя ваше платье. Фарукъ снявъ его отдалъ ему въ руки; онъ тотчасъ оное распоролъ, и перешивъ весьма

весьма искусно, сей Принцъ оное взялъ, и нарядился такимъ образомъ подъ стать двумъ Календерамъ.

Какъ они весьма ужѐ долго сидѣли на берегу̀ источника, то вставши всѣ трое пошли къ ближайшему городу. Принцъ не могъ такъ скоро позабыть своихъ нещастій; онъ отъ времени до времени вздыхалъ, и старой Календеръ, примѣтивъ оное, выговаривалъ ему въ томъ, какъ за недостойное дѣло принятаго ужѐ имъ состоянія. Перестань, любезной мой братъ, сказалъ онъ ему, помни, что одѣвшись въ такое платье, долженъ ты совлечься всей человѣческой слабости, и прогонять изъ разума окружающія тебя печальныя мысли; другіе, не столь бы искусившіеся какъ мы, можетъ быть, просили

ли бы васъ раскавать имъ ваши похожденія, и безъ сомнѣнія бы сказали, что такое раскавываніе облехчило бы, можетъ быть, ваши нещастія: но нѣтъ ничего ложнѣе, какъ такое разсужденіе; потому что чрезъ то пришли бы на память печальныя воображенія, которыя стараться должно удалять. Мы въ семъ дѣлѣ принуждать васъ не будемъ, пока не усмотримъ изъ поведенія вашего, что вы со всѣмъ забыли прошедшія ваши нещастія. Прочь печаль и скука, любезной мой братъ, отбросимъ ея отъ нашего товарищества: это смертельной ядъ для души: станемъ впредь помышлять только о увеселеніи, и для того хочу я вамъ раскавать исторію моей жизни, и увѣдомить васъ, по какой причинѣ ношу я сіе платье: слушайте меня только, дорóга чрезъ то, можетъ быть, покажется намъ короче. ПОХО-

ПОХОЖДЕНІЕ.

Стараго Календера.

Я родился въ городѣ Бакѣ отъ одного купца, торгующаго пшеномъ и имѣвшаго свой домъ близъ дервишскаго монастыря: отецъ мой былъ не весьма порядочной человѣкъ; онъ никогда почти не сиживалъ въ своей лавкѣ, и какъ торгъ его, которымъ онъ промышлялъ, не весьма ужѐ былъ знатенъ, то скоро онъ дошелъ до крайней бѣдности.

Одинъ изъ дервишей, которой иногда прихаживалъ къ намъ, полюбилъ меня чрезвычайно; онъ сжалясь на мою бѣдность, взялъ меня къ себѣ въ монастырь, такъ что съ пяти лѣтъ моего возраста я не былъ ужѐ больше въ тягость моему отцу, которой волоча столь скуч-

скучливую жизнь, напослѣдокъ умеръ, оставя меня лѣтъ двенатцати.

Я надѣялся видѣть мою мать въ отчаянïи, и плакалъ горестно о смерти моего отца, какъ она говорила мнѣ слѣдующее: сынъ мой, наши дни изочтены, и твоя печаль не оживитъ моего мужа: перестань же проливать твои слéзы о толь мало достойномъ того человѣкѣ, и не плачь о немъ такъ какъ о твоемъ отцѣ, потому что онъ въ твоемъ рожденïи нималѣйшаго не имѣлъ участïя. Сей разговоръ меня удивилъ, я глядѣлъ пристально тогда на мою мать; ты удивляешся, сказала она мнѣ: Конечно, отвѣчалъ я, да и справедливую имѣю къ тому причину, потому что естьли сей не давно умершей не былъ мой отецъ, какъ онъ всегда тѣмъ почитался, то кому же долженствую

ствую я моимъ рожденїемъ? Старому дервишу, которой тебя воспиталъ, сказала мнѣ моя мать: ты ево сынъ и мой, безъ него мы бы давно ужѐ померли съ голоду, потому что лѣность и мотовство моего мужа, привели меня въ нищету еще до твоего рожденїя: сей одинъ только дервишъ снабдѣвалъ насъ весьма изобильно всемъ нужнымъ для нашего пропитанїя. Я за то не неблагодарна была: дервиши ничего даромъ не дѣлаютъ, и я не раскаиваюсь въ снисхожденїи моемъ, которое я къ нему имѣла.

Какъ мать моя еще говорила, то вошелъ дервишъ; она ему сказала, что она мнѣ объявила, что онъ былъ мой отецъ, и сей человѣкъ, обнявъ меня съ крайнею горячностїю, любезной мой сынъ, сказалъ

сказалъ онъ мнѣ, будь уменъ, и почитай твою мать, вы ни въ чемъ недостатку имѣть не будете. Я соотвѣтствовалъ на ласки новаго моего отца, и прискучивъ живши до того времени у дервишей, просилъ я его оставить меня при матери. Онъ на то согласился, далъ намъ денегъ для закупки пшена; и моя мать, живучи съ великою бережливостїю, и почти на счетъ монастырской, собрала въ семь или восемь лѣтъ около четырехъ тысячь чекиновъ.

Мы имѣли въ нашемъ сосѣдствѣ весьма изрядную дѣвушку, какъ я часто о томъ слыхалъ отъ моей матери; я въ нея влюбился съ однихъ только словъ, со всѣмъ ея не видая, и искавъ случая съ нею познакомиться, почелъ за удобной слѣдующей случай: отецъ сей дѣвушки при-

пришедъ къ намъ въ домъ для покупки пшеничной муки, договорился съ моею матерью, чтобъ она отпустила къ нему одинъ большой мѣшокъ, мѣрою около двенатцати четвериковъ. Малое мое искусство увѣрило меня, что сей удобной былъ случай видѣть мою любовницу; и послѣдуя единственно глупой моей страсти, при помощи одного молодова человѣка въ мои лѣта, влѣзъ я въ мѣшокъ, которой велѣлъ насыпать мукою до бороды; такимъ образомъ отнесли меня передъ вечеромъ къ Калему, такъ назывался отецъ сей прекрасной дѣвушки, и поставили мѣшокъ въ углу зала, гдѣ обыкновенно они обѣдывали. Я сверьху здѣлалъ маленькую скважинку, въ которую могъ я удобно все видѣть. Чрезъ часъ послѣ того показался дервишъ, котораго не могъ я разсмотрѣть

въ лицо, потому что свѣча не къ той сторонѣ стояла; а за нимъ вошли Калемъ, жена его и прекрасная Дженжїари-Нара, [имя моей любовницы] съ маленькою на рукахъ собачкою; одинъ невольникъ накрылъ скатерть, и они всѣ сѣли ужинать. Дженжїари-Нара сидѣла прямо противъ меня. я плѣнился ею съ самого того часа, какъ она показалась, и глядѣлъ на нея съ толикимъ удивленїемъ, что позабывъ, гдѣ я находился, вскричалъ сглупа: О, какъ она хороша! Сїи слова вылетѣвшїя изъ моего рта безъ разсужденїя, и которыя слышны были, не вѣдая откуда они происходили, чрезвычайно испугали всѣхъ находившихся тогда въ залѣ. Они тотчасъ вскочили, озирались на всѣ стороны, и не думая о мѣшкѣ, въ которомъ сидя я чувствовалъ всю мою глупость,

посшь, сѣли они опять ужинать, разговаривая о голосѣ, которой имъ почушился.

Дженжїари-Нара не сѣла ужѐ опять на прежнее свое мѣсто, я могъ ея видѣть только съ бока, и столько былъ еще неразсудливъ, что хотѣлъ въ мѣшкѣ поворотиться, чтобъ наслаждаться ея зрѣнїемъ, но столь мнѣ въ томъ неудачно было, что по нещастїю моему я съ мѣшкомъ покатился.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Калемъ, вся его фамилїя и дервишъ чрезвычайно сему паденїю удивились: страхъ ихъ умножился, но дервишъ видя, что маленькая собачка жестоко лаяла на мѣшокъ,

токъ, тотчасъ о справедливой причинѣ страха догадался; онъ его поднялъ, и развязавъ веревку, представился я его глазамъ съ толь запачканнымъ лицемъ, что со всѣмъ меня узнать не можно было. Калемъ въ то время пришелъ въ преужасное сердце; онъ бросился за кинжалъ, висѣвшей на стѣнѣ, и подошедъ ко мнѣ, хотѣлъ было меня заколоть, какъ я ему бросилъ въ глаза горьсть муки, которая ослѣпила его на нѣсколько времени, а между тѣмъ успѣлъ я выскочить изъ мѣшка въ однихъ только портахъ, и схватить саблю, которая была у меня подъ пазухою. Мнѣ бы легко было умертвить Калема и дервиша, и самому убѣжать: да не имѣя притомъ инаго средства, я ужѐ саблею замахнулся, какъ взглянувъ на дервиша, котораго до того времени

мени я еще въ лицо не видалъ, узналъ въ немъ моего отца. Ахъ, дервишъ, вскричалъ я опустивъ мою саблю, узнай Ганифа, котораго ты по всегдашней къ нему твоей дружбѣ почиталъ за роднаго твоего сына! Я больше глупъ, нежели виноватъ; я полюбилъ прелестную Дженжïари-Нару по одной только о ея красотѣ и славѣ, и не нашедъ другова способа, чтобъ ея видѣть кромѣ сего, по глупой своей младости, не разсудя о томъ напередъ хорошенько, влѣзъ я въ этотъ мѣшокъ, самъ не зная, какъ изъ онаго опять выттти.

Дервишъ чрезвычайно удивился, видя меня въ такомъ состоянïи, и Калѐмъ въ то время протеревъ свои глазà узналъ меня, что я былъ сынъ той торговки, у которой онъ купилъ пшенишную муку̀. Онъ увидѣлъ

видѣлъ тогда, что я бы дорого продалъ свою жизнь въ случаѣ нападенія на меня; но какъ дервишъ гнѣвъ его успокоилъ, то они послѣ оба тому смѣялись. Когда сей молодой человѣкъ любитъ Дженжіари-Нару, продолжалъ дервишъ, то пожалуй, любезной мой Калемъ, согласись отдать ему ея въ жену: онъ у матери одинъ только сынъ, я ручаюсь вамъ выпросить у матери, чтобъ она ему уступила свою лавку, въ которой товару по меньшей мѣрѣ на четыре тысячи чекиновъ; и я не думаю, чтобъ вы могли найти во всемъ городѣ зятя такъ хорошо воспитаннаго, толь честнаго и скромнаго, какъ сей дѣтина. Ахъ, вскричалъ я тогда, сего не довольно, чтобъ Калемъ на мое благополучіе согласился, я онаго не пріемлю, когда прекрасной Дженжіари-Нарѣ то

хотъ

хоть мало не угодно будетъ. Такія нѣжныя мысли Калема прельстили; добро, изволь, сказалъ онъ меня обнявъ, дочь моя властна дать руку, и когда ты ей понравится, то она сей же часъ можетъ совершить твое благополучїе. Такъ надобно напередъ, сказалъ дервишъ, чтобъ она видѣла новаго своего любовника, каковъ онъ есть. Потомъ вышедъ съ нимъ въ другую комнату, я вытерся, и Калемъ, будучи почти одного со мною роста, одѣвъ меня въ свое платье, вывелъ меня къ своей дочери, которой столько я показался, что она охотно согласилась за меня выпти. Дервишъ не хотя моего благополучїя откладывать, послалъ немедленно за моею матерью. Она весьма удивилась моему приключенїю; моимъ желанїямъ не противна была, мы заключили рядную. Иманъ

манъ обвѣнчалъ насъ того же вечера; я ночевалъ у моего тестя, и жена моя столь довольна была своимъ замужствомъ, что на другой день приготовила мнѣ на завтракъ большое блюдо бараньихъ ногъ подъ уксусомъ.

Такимъ порядкомъ, любезной мой братъ, на прекрасной Дженжїари-Нарѣ я и женился, и былъ бы щастливѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ, естьли бъ напротивъ того не дѣлало меня самымъ нещастнѣйшимъ мое неразумїе: все поспѣшествовало моему благополучїю; молодая моя жена любила меня чрезвычайно; но безъ всякой причины вздумалъ я къ ней ревновать столь сильно, что почти и вообразить того не можно. Все меня безпокоило: когда я видѣлъ, что она говорила съ моею матерью, то

думалъ,

думалъ, что она соглашалась съ нею меня измѣнить: есть ли дѣлала она какія непорочныя ласки дервишу, которымъ мы столь одолжены были, то забывалъ въ то время, что онъ былъ мой отецъ, и думалъ, что онъ имѣлъ съ нею беззаконную дружбу. Что еще тебѣ сказать? продолжалъ старой Календеръ, я безпрестанно ворчалъ на Дженжїари-Нару, едва выпускалъ ея на свѣтъ; и хотя я нимало не давалъ ей покою, однако не слыхалъ отъ нея нималѣйшей за то жалобы.

Мать моя и дервишъ многократно представляли мнѣ неистовство моей глупости: честная жена, говаривали они мнѣ, сама себя бережетъ, а другому чести ея не сохранить ни запорами, ни замками, и твои непрестанныя подозрѣ-

нїя могутъ ея скоряе отъ должности своей отвратить, нежели въ оной воздержать. Я не хотѣлъ ничему вѣрить, и мои сумозбродства до того продолжались, что вознамѣрились они какимъ бы нибудь образомъ меня отъ сей проказы излечить.

Дервишъ разговаривая въ одинъ день съ моею матерью, какъ я разсмартивалъ счетные мои книги: къ намъ прїѣхалъ третьяго дня изъ Черкасїи, сказывалъ онъ ей между разговорами, одинъ молодой дервишъ красоты ни въ бакѣ еще у насъ невиданной: я думаю, что пажи, которые въ раю великаго нашего пророка имѣютъ нам подносить понсиръ (лимоны) едва могутъ съ нимъ сравниться; потому что такой скромности съ толикими совершенствами еще не слыхано:

жано: келья его очень близко отъ моей; сїе сосѣдство соединило насъ дружествомъ, и завтрешней день будетъ онъ у меня завтракать; пожалуйте пришлите мнѣ курицу со пшеномъ, и одно блюдо со пшеномъ же разварнымъ. Мать моя обѣщала ему то исполнить; она все оное приготовила, и на другой день послала къ моему отцу въ тотъ часъ, какъ онъ ей приказывалъ. Я слышалъ весь ихъ разговоръ, и любопытствуя видѣть такого красавца, вздумалъ я быть на завтракѣ: я ни слова о томъ матери моей не говорилъ, когда блюдо съ кушаньемъ понесли, вошелъ я въ покой моей жены, которая не очень будучи здорова, лежала еще на постелѣ, и спала крѣпко. Я разбудить ея не хотѣлъ, и довольствуясь поглядѣть на нея нѣсколько, заперъ я дверь

двойнымъ замкомъ; ключь по моему обыкновенїю взялъ съ собою, и пошелъ къ дервишскому монастырю. Постучась у воротъ, спрашивалъ я стараго дервиша, мнѣ сказали, что онъ былъ въ своей кельѣ, я побѣжалъ туда; но едва лишъ я переступилъ чрезъ порогъ, какъ увидя его товарища весь я помертвѣлъ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Какъ лишъ скоро призналъ я всѣ черты моей жены, то упалъ отъ слабости на тростяную софу, и потирая лобъ, гдѣ я! вскричалъ я, и что это за чудо? Отецъ мой въ семъ мѣстѣ перервалъ, онъ вскочилъ весьма испугаясь, и обнявъ меня, что тебѣ зделалось, дружокъ

дружокъ мой, говорилъ онъ мнѣ, и какое затмѣнїе здѣлалось въ твоей головѣ? Меня нѣсколько схватило, отвѣчалъ я ему, вошедъ въ вашу келью, и я поскоряе назадъ домой пойду. Дервишъ проводилъ меня до монастырскихъ воро́тъ. Какъ домъ мой отъ монастыря былъ только чрезъ одну улицу, то я тотчасъ перелетѣлъ въ спальню моей жены: я не много отдохнулъ, любезной мой братъ, заставъ ея на постелѣ въ томъ же состоянїи, какъ ея оставилъ за минуту передъ тѣмъ. Я въ такомъ жестокомъ былъ восторгѣ, что ея вдругъ разбудилъ, дѣлая ей многїя ласки, которымъ и она равномѣрно же соотвѣтствовала: я не долго у нея пробылъ, и возвратясь немедленно опять въ келью моего отца, сказалъ ему, что припадокъ мой миновался, и что я

 хочу

хочу съ нимъ завтракать; добро жаловать, сказалъ онъ мнѣ, мы ужѐ съ симъ прекраснымъ дервишемъ начали! Садись съ нами за столъ, и наливай себѣ рюмку винà. Я выполоскалъ хрустальную чашку, и отецъ мой хотѣлъ было взять бутылку, чтобъ мнѣ налить, какъ Черкашенинъ предупредя его, позволь, братецъ, сказалъ ему, чтобъ я ему поднесъ, я севоднешней день хочу у васъ быть хозяиномъ. Отъ гóлоса сихъ словъ, я весь затрепеталъ; рука моя такъ въ то время задрожала, и я глазà свои столь пристально уставилъ на сего молодаго человѣка, котораго голосъ со всѣмъ такой же былъ, какъ у моей жены̀, что рóзлилъ все вино на столъ и на себя. Мнѣ вообразилось тогда претысяча горестныхъ мыслей, и оставя вдругъ дервишей, тотчасъ

пере-

перескочилъ изъ монастыря въ свой домъ, гдѣ засталъ мою жену еще на постелѣ. Я въ такомъ былъ смущенїи, что не могъ ей ни слова промолвить: что тебѣ здѣлалось, драгой свѣтъ моей жизни, сказала она мнѣ, вставши отъ ужаса, не приключилось ли тебѣ чего? Скажите мнѣ поскоряе причину вашего безпокойства?

Я нѣсколько съ силами моими собрался. Ахъ! Дженжїари-Нара, вскричалъ я, вѣроятно ли то, что я слышу? А что же ты видишь, или что слышишь, отвѣчала она? Удовольствуйте скоряе мое любопытство. Нѣтъ, сказалъ я ей, безъ сомнѣнїя я обманываюсь; дай еще апробовать, естьли мои глаза вѣрные свидѣтели всему произшедшему въ монастырѣ дервишскомъ. Потомъ я ея оставилъ, и

заперевъ

заперевъ дверь такъ какъ и прежде, возвратился я спокойнѣе къ моему отцу: прошу меня извинить въ моемъ неучтивствѣ, сказалъ я вошедши, что толь скоропостижно я васъ оставилъ; я позабылъ оставить моей матери деньги, которыя должно неотмѣнно чрезъ четверть часа заплатить. Теперь я свободенъ отъ всѣхъ моихъ дѣлъ, и ничего больше не желаю, какъ съ вами повеселиться. Очень изрядно, отвѣчалъ мой отецъ, такъ мы можемъ здѣсь весело препроводить все утро; отвѣдайте сего блюда со пшеномъ, котораго мы еще не трогали, а курицу мы ужè безъ васъ отправили. Я хотѣлъ было въ то время ѣсть пшено, какъ взглянувъ на Черкашенина, положивъ лошку въ мой ротъ, не въ состоянiи я былъ проглотить куска, столь удивленiе мое умно-

умножилось! Это былъ точной портретъ Дженжїари-Нары; поступка, голосъ, словомъ сказать, все увѣряло меня, что ничто въ свѣтѣ сходнѣе быть не можетъ. Что съ тобою дѣлается, сынъ мой, сказалъ мнѣ тогда старой дервишъ, ты оказываешь во всѣхъ твоихъ поступкахъ безпокойство и смущенїе толь чрезвычайное, что я не знаю, какъ о тебѣ нынѣшней день заключить? Да не справедливую ли имѣю я къ тому причину? отвѣчалъ я, видя сего молодова Черкашенина, кто бы не подумалъ, что это моя жена, я признаюсь вамъ, что я бѣгалъ къ себѣ домой, чтобъ въ томъ удостовѣриться: я оба раза заставалъ ея на постелѣ, и это бы могло меня увѣрить, но между тѣмъ чувствую я, что еще не въ силахъ переодолѣть ревности мой духъ терзающей.

Два

Два дервиша такому искреннему признанію весьма много смѣялись. Я не зналъ къ чему причесть такую забаву, какъ молодой Черкашенинъ началъ мнѣ говорить: не ужѐли, государь мой, малое сходство вашей жены со мною можетъ столько вашъ духъ тревожить? и пристойно ли, чтобъ ревнивость овладѣла вами до такой крайности, что принуждаетъ васъ дѣлать такія сумозбродства, какимъ мы близъ часа очевидные свидѣтели? Сколь сожалѣнія достойна ваша супруга; она должна имѣть безпримѣрную добродѣтель, чтобъ сносить терпѣливно недостойныя ваши подозрѣнія. Я охотно прощаю нѣжную ревнивость, но простирать ея до такого неистовства, какъ мнѣ сей дервишъ расказывалъ о вашей, то правду сказать, государь мой, вы сами подаете причину вашей женѣ наказать васъ за то по достоинству.

Я

Я слушалъ рѣчь молодаго дервиша съ крайнимъ смущенїемъ: я началъ стыдиться прежнихъ моихъ поступокъ, и какъ будто вознамѣривался оставить Дженжїари-Нару собственной ея добродѣтели, какъ сей новой проповѣдникъ поварачиваясь оказалъ мнѣ, что у него было на ухѣ точно такое родимое пятно, какъ у моей жены.

Увидя сїе я несказанно больше прежняго взбѣсился: я вдругъ вскричалъ такъ громко, что дервиши удивились. Ахъ! меня измѣнили, и подозрѣнїя мои основательны были. Что за нечистой духъ въ тебя вселился, сказалъ мнѣ мой отецъ, что ты съ ума сошелъ или . . . Я не давъ времени окончить ему его представленїя, вырвался изъ его рукъ, побѣжалъ тотчасъ изъ кельи, и пришедъ домой,

засталъ мою жену, которая дѣлала лабдестъ [омывалась]. Я подошелъ къ ней съ крайнимъ смущенїемъ, и разсмотрѣвъ хорошенько пятно на ея ухѣ, ударилъ руками поднявъ глаза къ небу, и едва не упалъ въ обморокъ. Мать моя будучи въ лавкѣ прибѣжала на сей крикъ. Онѣ обѣ спрашивали о причинѣ моего припадка, и о частомъ выходѣ, но я не хотѣлъ еще имъ того объявить: пожалуйте только постарайтесь, сказалъ я моей матери, приготовить намъ обѣдать; я хочу къ себѣ позвать Черкасскаго дервиша и съ товарищемъ его: я изъясню вамъ при нихъ, что со мною нынѣшней день случилось; и вы сами увидите, что ничто страннѣе того быть не можетъ.

Потомъ я ихъ оставилъ, и возвратясь въ монастырь, я еще

засталъ

засталъ моего отца за столомъ съ своимъ пріятелемъ. Надобно, сказалъ я имъ, чистосердечно вамъ признаться во всей моей слабости; пятно у сего молодаго дервиша на ухѣ, возбудило всю мою ревнивость; у жены моей столь сходно на томъ же мѣстѣ, что я еще думалъ видѣть ея въ семъ платьѣ: я побѣжалъ въ томъ изъясниться, и слава богу, засталъ я ея, что она очищалась; и какъ всѣ мои подозрѣнія рѣшились, то пришелъ я опять къ вамъ съ духомъ спокойнымъ, во ожиданіи обѣда, которой прошу откушать у меня: я хочу увѣрить молодаго дервиша, что какъ немогутъ они быть двойнишными съ моею Дженжіариною, по тому что у ея родителей только она одна дочь и была, то натура произвела между ими столь совершенное сходство, что весьма лехко

ко можно ихъ одного за другова почесть. Съ великою охотою, отвѣчалъ молодой Черкашенинъ, мнѣ весьма то прїятно будетъ, я любопытенъ видѣть такое чрезвычайное сходство, въ которомъ дервишъ, товарищъ мой, не со всѣмъ меня увѣряетъ; но только я пойду съ такимъ уговоромъ, чтобъ никакое ревностное движенїе не препятствовало нашему веселїю, потому что я намѣренъ повеселиться, а можетъ быть, и на вашъ то счетъ. О, я вамъ обѣщаю, перервалъ я его рѣчи, что вы будете у меня сами хозяева, намѣренїе мое единажды принято; я столь жестоко терзался нынѣшней день всѣми смущенїями, что хочу впредь жить спокойно. Это самое лучшее дѣло, отвѣчалъ сей молодой человѣкъ; естьли бъ я была жена, и когда бъ хотѣла обмануть моего мужа, то всѣ его пред-

предосторожности былибъ безполезны: объ этомъ удостовѣрю я васъ ужѐ въ вашемъ домѣ. Вы меня одолжите, сказалъ я ему, я всячески постараюсь получше васъ угостить, вы не можете мнѣ большей услуги здѣлать, какъ излечивъ меня совершенно отъ моей ревности.

Я препроводилъ около двухъ часовъ весьма прiятно съ дервишами: но какъ обѣднее время наступило, то пошелъ я отъ нихъ для прiуготовленiя у себя дома. Я хотѣлъ до прихода моихъ гостей поговорить нѣчто съ моею женою, и увѣрить ея, что она имѣетъ впредь наслаждатися честною вольностiю: но разсуди, любезной мой братъ, въ какое пришелъ я несказанное удивленiе, отперевъ дверь отъ ея комнаты, отъ которой ключь всегда былъ у меня, и ея тутъ не засталъ.

ШЕСТЬ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Естьли удивленїе мое было чрезвычайное не увидѣвъ тутъ моей жены, гдѣ было ей неотмѣнно быть надлежало, то оное гораздо еще больше умножилось, заставъ вмѣсто ея двухъ дервишей, которыхъ оставилъ я въ монастырѣ. Я увидя сїе отъ страха былъ весь неподвиженъ, и неминуемо бы покатился на́-полъ, когда бы не поддержала меня мать моя, которая шла за мною слѣдомъ, и подхватила меня по́дъ-руки. Я весьма долгое время не могъ промолвить ни одного сло́ва; но напослѣдокъ немного опамятуясь: о, небо! вскричалъ я, не грежу ли я, или не еще ли ослѣпляетъ глаза̀ мои дьяволъ, которой цѣлое утро меня терзаетъ? Нѣтъ, нѣтъ, любезной мой Ганивъ, отвѣчалъ старой дервишъ, отецъ

мой,

мой, ты очень не бредишь; нѣсколько употреблено хитрости въ этомъ дѣлѣ: ревность твоя столь была смѣшна, что мы вознамѣрились оную истребить; я сговорился съ твоею матерью и съ твоею женою во всемъ томъ, что нынѣшнее утро ни происходило: ты весьма изрядно соотвѣтствовалъ нашимъ намѣренїямъ, и прекрасной дервишъ, которой тебя столько обеспокоивалъ, есть самая несравненная Дженжїари-Нара: это безъ сомнѣнїя кажется тебѣ не понятно, и я увѣренъ, что ты съ трудомъ вѣришь моимъ словамъ; но лехко въ томъ тебѣ подать нужное изъясненїе. Ахъ, нижайше васъ прошу отвѣчалъ я съ нетерпѣливостїю, растолкуйте мнѣ поскоряе, какъ это возможно, чтобъ моя жена была на своей постелѣ и въ вашей кельѣ, и чтобъ въ одинъ часъ ви-

дѣлъ я ея въ ночномъ платьѣ и въ одѣянiи дервишскомъ. Я удовольствую твое любопытство, сказалъ мнѣ мой отецъ.

Дженжiари-Нарѣ не безъизвѣстно, что я твой отецъ; я принужденъ былъ объявить ей тайну твоего рожденiя, чтобъ преклонить ея къ нашему намѣренiю. Надобно тебѣ знать, что покойной мужъ твоей матери бывалъ иногда ревнивъ; безвременныя его ворчанья часто уничтожывали предпрiятiя наши, чтобъ видѣться намъ; это намъ было досадно и какъ будучи монастырскимъ казначеемъ въ деньгахъ недостатка я не имѣлъ, то улучивъ время, какъ сей грубiянъ ѣздилъ на-двѣ недѣли въ деревню, здѣлалъ я надежными людьми подземной проходъ отъ моей кельи до ея спальни чрезъ улицу,

кото-

которая весьма уска; симъ проходомъ можно дойти до моей кельи скоряе шести минутъ, вмѣсто того, что идучи настоящею дорогою, должно проходить весь нашъ дворъ, которой весьма длиненъ отпирать и запирать ворота, и теперь можешь ты легко разсудить, можно ли было твоей женѣ скинуть съ себя дервишское платье, и лечь опять на постелю, между тѣмъ, какъ тебѣ должно было здѣлать великой кругъ, чтобъ притти въ нашъ монастырь, или изъ онаго до твоей спальни дойти. Вотъ, мой сынъ, все сїе великое таинство тебѣ открылось. Впрочемъ не безъ труда склонилъ я Дженжїари-Нару на сей обманъ: она еще лучше желала претерпѣвать всѣ твои бѣшенства, нежели подвергнуться твоему гнѣву, но я ея къ тому уговорилъ, обнадежа ея, что когда бъ ты оное сталъ толковать въ

худую сторону, и отъ такого очевиднаго опыта не могъ поправиться, то ты бы и во вѣки не узналъ учиненнаго тебѣ обмана, и я бы тотчасъ прекраснаго дервиша опять отправилъ въ Черкасїю.

Я думаю, мой сынъ, намъ удалось въ томъ, продолжалъ старикъ, потому что ты насъ обнадеживалъ навсегда бросить твои глупости: хотя въ самомъ дѣлѣ никто меньше не имѣлъ причины къ ревнивости, какъ ты. Жена твоя разумная; она дѣлала тебѣ угожденїя сверьхъ всякаго чаянїя; но когдабы она того не хотѣла сама собою, то разсуди, любезной мой Ганифъ, чего любовь не въ состоянїи здѣлать. Нѣтъ ни одного такого средства, котораго бъ не могла она опровергнуть, а самое надежнѣйшее есть то, чтобъ положиться на добро-

дѣтель

дѣтель и вѣрность своей жены. Я довольно знаю, что сїе правило не весьма общее во всемъ востокѣ; но иное дѣло есть жить, послѣдуя обыкновенїю, которое запрещаетъ только казаться женщинамъ всенародно, а иное, чтобъ поступать съ ними съ такимъ обиднымъ подозрѣнїемъ, какъ ты дѣлалъ съ Дженжїари-Нарою. Ревнивость твоя до того тебя довела, что ты подозрѣвалъ и на меня, своего отца, и дружба твоей матери къ своей снохѣ тебя тревожила. Подумай, сынъ мой, кто долженъ больше имѣть участїя въ твоей чести, какъ мы? Между тѣмъ ты столько слабъ былъ, что и насъ подозрѣвалъ въ похищенїи оной.

Я въ такомъ былъ крайнемъ смущенїи, продолжалъ старой Календеръ, что не зналъ, что отвѣт-

ствовать на разумныя слова̀ дервиша. Ахъ, мой отецъ, вскричалъ я, сколь чувствительно одолженъ я вами за ваше старанїе о моемъ излеченїи, и что столь удачно въ томъ вамъ посчастливилось: я понимаю теперь всю силу вашего разсужденїя, и стыжусь смертельно прежнихъ моихъ поступокъ: но хочу загладить оное поведенїемъ столь тому противнымъ, что прекрасная Дженжїари-Нара столь будетъ тѣмъ довольна, сколь имѣла причины прежде на то жаловаться: потóмъ бросясь къ ногамъ моей жены̀, которая была еще въ дервишскомъ платьѣ, просилъ я прощенїя въ моей смѣшной ревнивости, толь уничиженными словами, и съ такими знаками раскаиванїя, что привелъ въ слéзы мою мать и отца моего.

Джен-

Дженжїари-Нара не могши также удержать слезъ, тотчасъ меня подняла: любезной мой супругъ, говорила она мнѣ, когда я всегда васъ любила, не взирая на вашу ко мнѣ иногда жестокость, то разсудите до какой степени взойдетъ нынѣ моя любовь, какъ вы увѣряете перемѣною, отъ которой зависитъ все мое благополучїе? Она присовокупила къ сему разговору столь нѣжныя ласки, что я ея стократно обнималъ, и въ радостномъ восторгѣ вскричалъ я, нѣтъ любезная моя Дженжїари-Нара, нѣтъ никакой разности отъ вешняго зефира съ прїятнымъ дыханїемъ изъ твоихъ устъ, прохлаждающимъ душу и сердце: я теперь со всѣмъ переродился, и не хочу впредь ни на что иное употреблять прїятнѣйшїе часы моей жизни, какъ на сниканїе всякихъ средствъ, чтобъ вамъ угождать.

Отецъ мой и моя матѣ весьма радовались моей перемѣнѣ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Ничто въ свѣтѣ не могло бытѣ прїятнѣе дервишу и моей матери, какъ видѣть меня поправившагося отъ моей глупости ихъ старанїемъ, и Дженжїари-Нара чувствовала отъ того неизреченную радость. Накрыли на столъ, которой продолжался со всякою удобвозможною прїятностїю, и съ того времени точно я наблюдалъ данное мое слово.

Я жилъ такимъ образомъ съ моею супругою около тринатцати лѣтъ, чрезъ которые дервишъ и моя матѣ умерли. Всѣ дѣти бывшїе

шїе у насъ съ Дженжїари-Нарою не долго жили; а напослѣдокъ, любезной мой братъ, и ея лишился я по долговременной болѣзни, и ты самъ можешь разсудить, чувствительна ли была мнѣ смерть толь отличныхъ достоинствъ жены: всѣ мои друзья пришли ко мнѣ меня утѣшать, но то, чего не могли они здѣлать, исполнило время. Какъ оное достигаетъ все, то нечувствительно истребило ея изъ моей памяти: я помышлялъ только о забавахъ, и вдавшись совсѣмъ въ веселости, мало помалу впалъ я въ мотовство.

По нерадѣнїю о моихъ дѣлахъ, пришли оныя въ безпорядокъ. я чрезъ два года одолжалъ съ ного до головы: не въ состоянїи же будучи удовольствоватъ моихъ заимодавцовъ, и не имѣя инаго ср д-

 ства,

ства, какъ только бѣжать, распродалъ я тихонько всѣ мои вещи половинною цѣною, и ушелъ изъ баки, нарядясь въ календерское платье. Мнѣ сїе платье съ самаго перваго дня такъ много полюбилось, что я вознамѣрился и никогда оное не покидать. Тому ужѐ около тритцати лѣтъ, какъ я его ношу, никогда не имѣя намѣренїя онаго скинуть. Я обѣгалъ въ немъ всю Персїю и Татарїю, гдѣ случалось со мною безчисленное множество похожденїй, которыя расказывать весьма бъ долго было. Я намѣренъ итти въ Индїю и въ Китай, и для того взялъ я къ себѣ въ мои товарищи, тому мѣсяца съ два, сего молодаго человѣка, которой, послѣдуя моему примѣру, здѣлался Календеромъ, и котораго похожденїя по крайней мѣрѣ столь же странны, какъ и мои.

Когда

Когда старой Календеръ окончилъ свою повѣсть, то Фарукъ, милостивѣйшїй государь, чрезвычайно веселясь симъ разсказыванїемъ, благодарилъ за его снисхожденїе. Исторїя ваша весьма странная, сказалъ онъ ему, и сколько вы меня ни увѣряете, однако я весьма сомнѣваюсь, чтобъ житїе вашего товарища могло съ оною сравниться. Вы увидите то сами, отвѣчалъ молодой Календеръ.

ПОХОЖДЕНIЕ
Молодаго Календера.

Мать моя была родомъ изъ Шираза, а объ отцѣ я не упоминаю, потому что я его не знавалъ, я былъ еще очень малъ, какъ онъ умеръ: она торговала молокомъ, масломъ и сыромъ, кото-

рое получала она отъ своихъ собственныхъ коровъ, и посылала меня продавать оное въ городъ; но я симъ промысломъ скоро скучилъ. Тому было два года, или около того, какъ прiѣхала изъ Индiи шайка комендiантовъ, которые представляли обыкновенно свои дѣйствiя посреди рынка, гдѣ они послѣ того продавали многiя лекарства, которыя сказывали они быть пречудными отъ всякихъ болѣзней. Какъ они Персидской языкъ очень мало знали, то представляли сперьва только пантомимы, и лекарства свои продавали чрезъ толмача; но мало помалу научившись языку, такую прiобрѣли они себѣ славу, что всякой на ихъ представленiя взиралъ съ удовольствiемъ. Я будучи въ Ширазѣ ни одного раза не пропускалъ, чтобъ не побывать на ихъ комедiяхъ, и они столь-

столько мнѣ понравились, что я вознамѣрился вступить въ ихъ шайку. Я отъ природы имѣлъ склонность къ театру, и просилъ ихъ дать мнѣ небольшое какое дѣйствующее лицо. Они выбрали мнѣ самое смѣшное, и я столь хорошо оное представлялъ къ удовольствїю всѣхъ зрителей, что тотчасъ вздумалъ представлять наиважнѣйшїя лица. Я сверьхъ всего представлялъ весьма живо пьяницу, простака и розиню. Наконецъ самыя шутливѣйшїя дѣйствїя не дѣлали столько забавы, когда оныя не мною представляемы были.

Я не довольствовался званїемъ превосходнаго комедїанта, но хотѣлъ еще и самъ здѣлаться сочинителемъ. До того времени играли мы только лоскутки изъ комедїи, и безъ всякаго почти приуго-

товленія: я вздумалъ раздѣлить оную на явленія и дѣйствія. Мнѣ въ томъ удалось, и моя пробная штука, подлинно была мастерская, которую назвалъ я *обманутой Кади*; содержаніе оной слѣдующее:

Одинъ Кандагарской Кади весьма скупой имѣетъ у себя прекрасную дочь, въ которую смертельно влюбленъ одинъ молодой Персіянинъ. Сей Кади обѣщалъ свою дочь за стараго Музюльмана, весьма богатаго человѣка: Персіянинъ въ отчаяніи лишиться своей любовницы, изыскивая разныя средства, для воспрепятствованія сей свадьбѣ, отъ которой зависѣло все его благополучіе, не нашелъ инаго способа, какъ итти къ Кадію, которой его не зналъ, посовѣтовать о похищеніи. Сей судья почелъ сперьва оное дѣло за весьма криминальное,

ное, и преужасно за то разгнѣвался; но поднесенной ему кошелекъ золота успокоилъ, и принудилъ его дать письменной совѣтъ, въ силу котораго согласенъ онъ былъ, чтобъ желаемая дѣвица была похищена, только чтобъ было сходство лѣтъ между тѣмъ, съ кѣмъ хотятъ ея соединить, и что намѣренїе похитителя состоитъ въ бракосочетанїи; а посредствомъ другова поданнаго ему кошелька, запрещаетъ онъ отцу дѣвицы той, чинить какое либо слѣдствїе на ея любовника, подъ опасенїемъ ста палочныхъ ударовъ по пятамъ. Его совѣтованїе, или лучше сказать, письменное приказанїе, произведено въ дѣйство. Молодой Персїянинъ похитилъ его дочь, и обманутой Кади принужденъ находится склониться, чтобъ она вышла за своего любовника.

Вотъ

Вотъ содержанїе моего сочиненїя: но я въ оной описалъ обстоятельно скупость Кадїя, и представилъ, по моему мнѣнїю, такъ живо, а особливо въ томъ явленїи, гдѣ я представлялъ простака, что желалъ бы отъ всего сердца, чтобъ вы видѣли представленїе сей комедїи. Ба! отвѣчалъ Фарукъ, развѣ сочинитель комедїи не долженъ знать наизусть свои штуки отъ доски до доски, что мѣшаетъ тебѣ оную намъ представить? Ахъ, братъ, отвѣчалъ молодой календеръ, она не можетъ имѣть такой прїятности, какъ на театрѣ. Нѣтъ ничего, отвѣчали другїе два Календера, мы оное приписывать будемъ не достатку дѣйствующихъ лицъ: мы знаемъ довольно, что не можно одному человѣку представлять разныя лица. Когда вы того желаете, отвѣчалъ сей новой комедїантъ, то я васъ удовольствую. Пред-

Представьте же себѣ тотчасъ видѣть Кадїя, одного и въ своемъ домѣ, жаловаться на то, что въ Кандагарѣ живутъ весьма осторожно, и что въ нынѣшнемъ году не много дѣлъ, а особливо криминальныхъ. Я вошелъ въ его покой съ однимъ моимъ товарищемъ въ крестьянскомъ платьѣ мы оба чрезвычайно запыхались, и Кадїя выводили изъ терпѣнїя весьма забавнымъ нѣмымъ явленїемъ. Напослѣдокъ вышедши изъ терпѣнїя, что мы говоримъ только одними знаками, и любопытствуя знать въ чѣмъ, состояло наше дѣло, вотъ какъ онъ началъ.

Кади.

Конечно, надобно думать, эти глухи или пьяны или нѣмы; дѣлаютъ только лишъ знаки, которыхъ я понять не могу.

Первой

Перпой мужикъ.

[Это я, любезные мои братья, представлялъ сїе лице.]

Охъ, мы до вашей милости господинъ честной бѣгли . . . до сихъ мѣстъ такъ скоро . . чтобъ . . . Ахти какъ я запыхался: раскажи кумонекъ ты самъ все дѣло до копѣйки, что мы видѣли.

Кади.

Нелегко васъ побери.

Другой мужикъ [со слезами]

Раскажи се самъ, кали ты можешъ; я съ духомъ не зберусь и такъ угорѣлъ . . .

Кади.

Эти ротозеи, думаю я пришли сюда нарочно, чтобъ меня выводить изъ терпѣнїя. Естьли у тебя мошенникъ, языкъ или нѣтъ, скажи скорѣй, что ты видѣлъ.

Перпой

Перпой мужикъ.

Ба, ба, потихоньку, господинъ честной, ты ушъ и разсердился; какъ очень изрядно говоритъ Локманъ въ своей книгѣ о животныхъ.

Кади.

Оставь нечестивой плутъ твоего Локмана и его животныхъ, съ какой стати зашли ево басни тутъ, что ты мнѣ сказать хочешь?

Перпой мужикъ.

Вы говорите правду, но когда есть въ головѣ не мношко разума, то стараются вывесть его наружу; и когда бъ вы не перервали моей рѣчи, то бы я васъ приравнялъ къ ослу.

Кади.

Бестїя ... да что больно слушать такова глупца.

Пожалуй мой другъ окончи, и скажи мнѣ, за какимъ ты дѣломъ сюда пришелъ?

Перпой

Перпой мужикъ.

О, съ великою охотою, да для чево вы давно намъ этова не сказали? послушай же, мы пришли къ вамъ сказать, что какъ мы шли съ кумомъ... мы видѣли... [заплакавъ] ахъ, у меня сердце обмираетъ, лишъ только о томъ вздумаю, и мнѣ такъ жалко, что не могу договорить.

Кади.

Оканчивай повѣса, или я тебя приколочу; гей, поди сюда кто-нибудь.

Перпой мужикъ.

Эй, постой, господинъ честной, когда ты не даешь мнѣ времени и съ духомъ собраться, я тебѣ скажу коротко, и безъ всякихъ обиняковъ. что... на, вотъ я объ закладъ ударюсь, что ты со всѣмъ твоимъ разумомъ не можешъ отгадать, что мы видѣли.

Кади.

Кади, взявъ его за-воротъ.

Ахъ ты бестїя плутъ, такъ ты по этому думаешь меня бѣсить?

Перпой мужикъ.

Ай, ай, батюшки мои, отпусти же меня милостивой государь, и я тотчасъ скажу, что мы видѣли убитаго человѣка.

Кади.

Ахъ, я отдохнулъ, хорошо тѣмъ лучше, вотъ чемъ заплатить мой ужинъ.

Другой мужикъ.

Ахъ, государь мой, дѣло то тѣмъ плохо, что убитой былъ вить мой зять, онъ женился на моей дочери.

Кади.

Тѣмъ лучше, говорю я вамъ, вотъ весьма изрядное дѣло.

[Въ самое то время пришолъ разсыльщикъ отъ порутчика Кадїева.

Раз-

Разсыльщикъ.

Доношу вашему благородїю, мы взяли подъ караулъ одного смертноубїйца за Каидагарскими воротами:

Кади.

Скоро, скоро, мой кафтанъ и челму, [къ мужикамъ], да естьли у васъ свидѣтели?

Перпой мужикъ.

Да какъ же ста не быть, пожалуй въ прочемъ на насъ положись.

Кади.

Когда такъ, я теперь же пойду на то мѣсто: но напередъ надобно знать, что то виноватой за человѣкъ?

Разсыльщикъ.

Это.

Кади.

Ну,

Раз-

Разсыльщикъ.

Это деревенской парень изъ ближней деревни.

Кади.

Деревенской парень? куда какъ я не разсудливъ, можно ли такимъ плутамъ убить до смерти? ахъ, я въ отчаяніи: тутъ нѣчемъ руки нагрѣть; [своимъ людямъ] на, возмите мой кафтанъ и челму.

Перпой мужикъ.

Да ну жеста пойдемъ, пока мы здѣсь хлопочемъ, а виноватой, можетъ быть, убѣжитъ.

Кади.

Пусть его убѣжитъ, коли можетъ: фу пропасть какая, что это за дѣло, тутъ мнѣ и на хлѣбъ не придетъ.

Другой мужикъ.

Да когда?

Кади.

Кади.

Велите вытолкать въ шею этихъ вралей, они мнѣ всѣ уши прожюзжали.

Порутчикъ Кадгепъ.

Государь мой, изрядная вѣдомость, человѣкъ убитъ до смерти.

Кади.

Такъ чтоже, я про то знаю.

Порутчикъ.

А туда вы не поспѣшаете?

Кади.

Еще довольно времени осталось, будетъ день и завтра.

Порутчикъ.

Это правда, да вить . . . . .

Кади.

Пожалуй, о томъ мнѣ больше не говори.

Порутчикъ.

Государь мой, я удивляюсь вашему безпристрастію, вить намъ попался хорошей гусь.

Кади.

Кади.

Какъ?

Порутчикъ.

Развѣ вы не знаете, что убїйца гналъ въ городъ барановъ?

Кади.

Барановъ?

Порутчикъ.

Конечно такъ.

Кади.

Да куда же ты ихъ дѣвалъ?

Порутчикъ.

Изрядной вопросъ! Я тотчасъ всѣхъ заперъ въ тюрьму. (*потихоньку*) Новичокъ бы велѣлъ держать виноватаго подъ карауломъ; но я, научась съ вашего примѣра, далъ ему поводъ убѣжать, а барановъ то удержалъ у себя.

Кади.

Скоро мой кафтанъ, чалму, и велите тотчасъ осѣдлать моего лошака; (*Порутчику*) ты мой

другѣ со временемѣ будешь важной судья: (*мужикамѣ*) а вы безмозглые скоты, для чего прежде мнѣ не сказали, что убїйца гналѣ барановѣ?

Перпой мужикѣ.

Я не думалѣ, кормилецѣ мой, чтобѣ онѣ виноватѣе былѣ для барановѣ.

Кади.

Конечно, конечно, убитой человѣкѣ, и бараны! Этово довольно, ничто меня удержать не можетѣ, и я хочу показать примѣрѣ . . . бараны!

Перпой мужикѣ.

Такѣ, государь мой, онѣ достоинѣ смерти, но бараны-то вѣть невиноваты, и я слезно прошу у васѣ ихѣ помиловать.

Кади.

Нѣтѣ, нѣтѣ помилованїя; надобно здѣлать правосудїе; я пойду сѣ моимѣ порутчикомѣ вѣ кабинетѣ

нетъ, а вы подождите меня не много здѣсь.

Другой мужикъ.

Куда какъ это смѣшно слушать, коли есть бараны, то и дѣло здѣлано.

Перпой мужикъ.

Слушайка кумъ, пока намъ служитъ щастїе, и пока остервился такъ Кади, отмстимъ сосѣду нашему Калебу, которой всегда дѣлаетъ намъ пакости. У него у шельмы болѣе полутораста барановъ, такъ вотъ изрядной случай, сбыть его съ шеи долой, или по крайней мѣрѣ привесть его подъ палки.

Другой мужикъ.

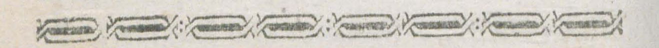
Да и подлинно такъ, вверню́мка ему толчокъ въ шею; онъ очень щастливъ будетъ, чтобъ отдуться палочьемъ, а послѣ мы же ему смѣяться станемъ.

Вотъ, любезные мои братья, продолжалъ Календеръ, лоскутокъ изъ моей штуки: потомъ представилъ я молодаго Персїянина, которой за деньги выманилъ у скупаго Кадїя приговоръ толь противной свадьбѣ, намѣряемой имъ съ старымъ Музюльманомъ: но я вамъ этова явленїя читать не буду, хотя оно и очень смѣшно: довольно съ васъ того, что я вамъ доказалъ силу моего разума. Я возвращаюсь къ моей исторїи. Ахъ, позволь напередъ, сказалъ ему Фарукъ, васъ съ моей стороны увѣрить, что я ничего еще лучшаго въ свѣтѣ не видалъ, какъ эти ваши явленїя . . . Похвала ваша весьма умѣренна, отвѣчалъ сочинитель, штука моя отъ конца до конца превосходная, преизрядная, и всѣ наши лучшїе комическїе автора ничего еще не здѣлали столь совершеннаго,

шеннаго, и такъ натуральнаго. Весь Шеразъ отдалъ мнѣ въ томъ справедливость, но Кади того города, о которомъ я, при сочиненіи моей комедіи, со всѣмъ и не думалъ, разсудилъ о томъ инако: онъ нашелъ въ оной живое изображеніе себя, и преужасно разсердясь на комедіантовъ и на сочинителя, всѣхъ насъ выгналъ изъ Шираза, и запретилъ намъ подъ опасеніемъ лишенія живота, представлять болѣе комедіи. Я упомяну кратко о нѣкоторыхъ палочныхъ ударахъ, кои влѣпили мнѣ по приказанію Кадіеву. Въ сей долѣ товарищи мои никакого участія не имѣли, потому что оная принадлежала мнѣ одному какъ главному сатирическому автору; прочей же барышъ раздѣлили мы между собою поравну. Я представлялъ имъ, чтобъ повеселиться намъ въ другомъ какомъ либо городѣ,

родѣ, гдѣ бы Кадіи были поумнѣе; но они столь худо со мною поступили, что я вознамѣрился бросить сїе ремесло, и приняться за прежнее свое, в которомъ я упражнялся прежде, нежели здѣлался комедіантомъ.

Такимъ образомъ возвратился я къ моей матери, которая приняла меня съ распростертыми руками: будучи комедіантомъ около года, я накопилъ нѣсколько и денегъ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я употребилъ нѣкоторую часть сихъ денегъ на закупку скотины, и вознамѣрился жить поспокойнѣе; я не хотѣлъ больше ходить пѣшкомъ продавать масло и сыръ.

Для

Для сего купилъ я въ Ширазѣ небольшаго лошака, которой стоилъ мнѣ тритцать золотыхъ чекиновъ. Я возвращался спокойно домой на новомъ моемъ возникѣ, гнавъ передъ собою негодную кривую лошадь, на которой обыкновенно возилъ я на рынокъ масло, какъ отъѣхавъ съ четверть мили отъ города, попался мнѣ одинъ человѣкъ, которой спрашивалъ меня, не изъ Шираза ли я ѣхалъ? Вѣть ты видишь, сказалъ я ему, что оттуда. Конечно вы, отвѣчалъ онъ, что нибудь покупали тамъ на рынкѣ: я купилъ этова лошака, сказалъ ему. Какова лошака? Какъ - какова, этова, на которомъ я ѣду; въ правду ли вы говорите? Очень въ правду, я его далъ тритцать золотыхъ чекиновъ: сей человѣкъ началъ тогда хохотать изъ всей своей силы; это

хорошо, продолжалъ онъ, тотъ, кто продалъ эту скотину, видно не дуракъ, отдалъ осла вмѣсто лошака: потóмъ продолжалъ онъ свою дорóгу къ Ширазу съ великимъ смѣхомъ.

Мнѣ сей человѣкъ былъ жалокъ, и я почиталъ его за дурака, какъ черезъ полмили подалѣе, другой здѣлалъ мнѣ такой же почти вопросъ, которому тоже я отвѣчалъ, что и первому; но какъ я ему сказалъ, что купилъ сего лошака; что вы меня за дурака развѣ признаете, говорилъ онъ мнѣ, и не увѣрить ли меня хотите, что оселъ можетъ быть лошакомъ? Я доказывалъ ему, что онъ ошибается; но онъ разсердясь, и меня ругая, пошелъ своею дорóгою, и оставилъ меня въ крайнемъ удивленіи.

Я

Я на́чалъ отъ доброва се́рдца вѣрить, что можетъ быть меня обманули, и слѣзши съ моего возника, разсматривалъ его съ ногъ до головы̀, и по моему мнѣнїю, признавалъ его за лошака; но не увѣряясь самъ себѣ, и не полагаясь твердо на мои глаза̀, я вздумалъ утвердиться на рѣшенїи перваго прохожева, и клялся, что когда онъ признаетъ его за осла, тѣмъ его тотчасъ подарить.

Я не отъѣхалъ еще трехъ сотъ шаговъ, какъ увидѣлъ одного идущаго крестьянина: эй, братъ, сказалъ я ему, пожалуй мнѣ растолкуй, на какой я ѣду скотинѣ? Вотъ какой смѣшной вопросъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, развѣ ты самъ лучше моего не знаешь? Знаю ли, или нѣтъ, говорилъ я ему, только скажи мнѣ пожалуй. Ну вить,

отвѣчалъ крестьянинъ, не мудрено узнать, что это оселъ. Я симъ отвѣтомъ весьма смутился; я сошелъ съ моей скотины, которую купилъ за лошака, и просилъ крестьянина принять ея въ подарокъ. Сей плутъ вторичной отъ меня прозьбы не дожидался. Онъ меня поблагодаривъ, вскочилъ тотчасъ на лошака, и ударивъ по брюху каблуками, полетѣлъ какъ стрѣла.

Я пришелъ домой пѣшкомъ и въ великой горести; что примѣтивъ мать моя, спрашивала у меня о причинѣ тому. Я ей то раскאзалъ, и она не могла удержаться отъ смѣху. Куда какъ ты простъ, сказала она мнѣ, не догадался ли ты, что это были три мошенника, которые раздѣлились на дорогѣ Ширазской, и между собою зговорились, чтобъ выманить у тебя лошака:

шака: надобно тебѣ быть великому глупцу, что ты дался въ такой живой обманъ. Насмѣшка моей матери мнѣ была чувствительна: я понялъ тогда, что меня обманули, и вознамѣрясь отмстить моимъ мошенникамъ при первомъ случаѣ, пошелъ я на рынокъ на третей день. Я тамъ ихъ призналъ, хотя они и не въ томъ ужѐ платьѣ были, и какъ мнѣ показалось, что они не самые искуснѣйшїе были, видя моими глазами два или три ихъ ремесла, то отложилъ я мое мщенїе до другова раза.

Принявъ хорошенько мои мѣры, и сообща свое намѣренїе моей матери, привязалъ я пару пустыхъ корзинокъ на спину пестрой козы, которую купилъ я у моего сосѣда, и пошелъ съ нею на Шираз-

ской рынокЪ. КакЪ лишЪ скоро тамЪ я показался, то мои три мошенника увидя меня еще издали, тотчасЪ окружили, думая найти по себѣ олуха. Я притворился ихЪ не видать, купилЪ плечо баранины, индѣйку и трехЪ цыпленковЪ, и положивЪ все то вЪ корзины моей козы, душечка, говорилЪ я будто ей весьма громко, чтобЪ они то слышали, ступай домой, скажи моей поварихѣ, чтобЪ она изготовила это плечо со пшеномЪ, индѣйку здѣлала разварную, а изЪ цыплятЪ хорошей фрикасей; да чтобЪ пуще всего не позабыла здѣлать сладкой пирогЪ на закуску, и чтобЪ приготовила восемь бутылокЪ свѣжаго вина̀: пото́мЪ толкнулЪ я козу ногою, которая заблѣявЪ отЪ меня побѣжала.

ШЕСТЬ-

ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Три мошенника чрезвычайно тому удивлялись. Эй, братъ, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, думаешъ ли ты, чтобъ эта скотина, исполнила точно твой приказъ? безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, это коза вить не простая, она знаетъ мои намѣренія, и я увѣренъ, что она не проронитъ ни сло́ва. Они начали смѣяться: шутить нѣчево, сказалъ я имъ важнымъ видомъ, когда вы о томъ сомнѣваетесь, то прошу васъ всѣхъ троихъ къ себѣ отобѣдать, вы сами увидите, обманываю ли я васъ. Мошенники тотчасъ согласились, любопытствуя видѣть толь чрезвычайную вещь, не отходили они отъ меня ни на минуту. Мы ходили долго по рынку, я купилъ нѣсколько бездѣлокъ, и пото́мъ пошли мы вмѣстѣ

ко мнѣ домой. Какъ лишъ скоро пришелъ домой, то говоря моей матери, чтобъ лучше ихъ обмануть, будтобы она моя повариха, спрашивалъ я у нея: что пришла ли домой коза? Давно ужѐ, сказала она, она щиплетъ теперь въ огородѣ капусту, и обѣдъ бы вашъ ужѐ готовъ былъ, естьлибъ ваши го́сти не прислали сказать, что захватили ихъ дѣла̀, за которыми сего дня они къ вамъ быть не могутъ: между тѣмъ баранье плечо почти ужѐ сварилось, а индѣйка поспѣетъ чрезъ полчаса, фрикасей съ цыплятами готовъ, сладкой пирогъ поставленъ въ печь, а бутылки, о которыхъ вы приказывали, стоятъ въ снѣгу. Очень изрядно, отвѣчалъ я, вотъ три господина вмѣсто тѣхъ званыхъ гостей, и какъ кушанье готово будетъ, накрывай столъ.

Го́сти

Гости мои несказанно удивились отвѣту моей матери; они вошли въ огородъ, и узная козу съ ея корзинами по пятнамъ на ея шерсти, которыя очень они примѣтили, вздумали купить ея себѣ, за какую бы цѣну то ни было.

Тотчасъ послѣ того подали намъ обѣдать; я весьма довольно поилъ моихъ мошенниковъ, которое ни въ чемъ на меня не подозрѣвали; и около конца обѣда одинъ изъ нихъ меня спросилъ, не продамъ ли я имъ мою козу. Я въ томъ не отрицался, только бы лишь получить хорошую цѣну. Они сперва подали мнѣ дватцать червонныхъ, но я и смотрѣть на то не хотѣлъ. Наконецъ, любезные мои братья, я столь съиграль хорошо мое лицо что выманилъ у нихъ всѣ деньги, кото-

рыя

рыя съ ними были, и числомъ съ лишкомъ шестьдесятъ чекиновъ.

По заключенiи торга мы опять принялись за питье, и мои товарищи вполпьяна пошли отъ меня, ужѐ подъ вечеръ весьма довольны покупкою козы̀. Они хотѣли аппробовать ея на другой же день, естьли она и имъ столь же послушна будетъ, какъ была мнѣ.

Они наклали въ корзины ей мя́ся, приказали, что изъ того приготовить: она побѣжала, но только ожидали ея безполезно, и больше къ нимъ не возвратилась.

Теперь надобно, любезные мои братья, открыть вамъ сiю тайну: Одинъ изъ ближнихъ нашихъ сосѣдовъ имѣлъ у себя двѣ козы̀ бѣлыя съ черными пестринами, но такъ схожи одна съ другою, что никакъ не

мо-

можно было ихъ распознать. Я купилъ ихъ обѣихъ, въ намѣренiи отмстить моимъ мошенникамъ: я сообщилъ намѣренiе свое моей матери, приказалъ ей что изготовить къ обѣду, естьли позволено будетъ, мнѣ такъ сказать, и привязавъ одну козу въ моемъ огородѣ, повелъ другую съ собою на рынокъ, гдѣ закупилъ я мя́са, точно тако́ва, которое запасено у меня было дома: я положилъ оное на мою козу, и приказавъ ей отнести къ себѣ домой, оставилъ я то на щастливаго, и не знаю кому она попалась въ ру́ки. Мой приказъ былъ исполненъ точно; мать моя представляла дѣйствующее лицо совершенно, и другая коза, привязанная въ моемъ огородѣ, столь была сходна съ тою, которую мошенники видѣли въ Ширазѣ, что они чистосердечно повѣрили быть чему нибудь чрезъестественному въ сей скотинѣ, и что

они

они купили ея такъ дорого, какъ я вамъ сказывалъ; но она такой же имѣла жребїй, какъ ея подруга, конечно кому нибудь щастливому досталась она и съ корзинами.

Я не сомнѣвался, чтобъ они, увидя мой обманъ, не пришли ко мнѣ, для требованїя отъ меня назадъ своихъ денегъ: я ожидалъ ихъ безъ трусости. Они стучались у моихъ воротъ съ угрозами; я отворилъ имъ самъ, и спрашивая у нихъ съ тихостїю о причинѣ ихъ гнѣва, услышалъ я отъ нихъ, что оной происходилъ отъ потери ихъ козы. Не гладили ли вы ея сего утра, сказалъ я, лѣвою рукою, какъ велѣлъ я вамъ вчера о томъ сказать чрезъ мою повариху? Она побѣжала за вами въ слѣдъ, чтобъ увѣдомить васъ о толь нужномъ дѣлѣ, о чемъ я, отъ

отъ многова питья вина̀, позабылъ вамъ сказать при заключенїи нашего торга. Какая повариха, отвѣчали они. Мы никово не видали, и мы не примѣтили того, чтобъ гладить ея лѣвою рукою, потому что объ этой церемонїи намъ не сказывали. Я кликнулъ въ то время мою мать, которая пришла съ великимъ трепетомъ, видя мой гнѣвъ. Для чего, ты скверная, вскричалъ я, не сказала вчера симъ господамъ, какъ я тебѣ о томъ приказывалъ точно, чтобъ они не преминули гладить свою козу лѣвою рукою, такъ какъ я то дѣлывалъ каждое утро. Милостивой государь, сказала она мнѣ, бросясь на колѣни, я очень помнила вашъ приказъ, да только не могла онаго исполнить; я далеко бѣжала за ними въ слѣдъ, да настичь не могла. Ахъ, плутовка, отвѣчалъ я,

у тебя и всѣ такїя отговорки; ты конечно забавлялась съ какою нибудь подругою своею, а между тѣмъ разоряешь меня твоею лѣностїю; но я кленусь Магометомъ, что ты не долго безъ наказанїя останешся. Потомъ схвативъ ея за́-волосы, вынулъ я кинжалъ, и такъ сильно пokололъ ея въ брюхо, что тотчасъ упала съ ногъ. Она чрезъ минуту вся залилась кровью, и мои три мошенника столько того испужались, что хотѣли было немедленно бѣжать. Государи мои, сказалъ я имъ, эта бездѣльница давно ужѐ такова наказанїя стоила; впрочемъ не пугайтесь ея смерти; я властенъ ея оживить въ сей же часъ: но какъ она этова труда не стоитъ, то пожалуйте пособите мнѣ схоронить ея въ моемъ огородѣ.

Три

Три товарища глядѣли другъ на друга нѣсколько времени, не говоря ни слова; но одинъ изъ нихъ перервавъ молчанїе, какъ, сказалъ мнѣ, вы можете опять оживить эту нещастную бабу? Конечно, отвѣчалъ я. Ахъ пожалуйте, здѣлайте это чудо при нашихъ глазахъ, а мы въ козѣ вамъ уступаемъ. Я сперьва не очень склонялся здѣлать имъ это удовольствїе, но они просили меня не отступно. Такимъ честнымъ людямъ, продолжалъ я, отказать не можно: потомъ открывъ ящичекъ, вынулъ я маленькой охотничей рогъ, и проигралъ двѣ или три весьма веселыя штуки на́-ухо умершей.

Шесть

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ОСЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Мать моя казалась мало помалу оживляться, по мѣрѣ того, какъ я игралъ; напослѣдокъ чрезъ четверть часа встала по прежнему на-ноги, не чувствуя по видимому никакой болѣзни отъ удара кинжальнаго, и привела моихъ мошенниковъ въ такое удивленiе сему чудесному дѣлу, и въ такую жадность къ моему рогу, что они ужѐ между собою зговаривались, какъ бы оной у меня, украсть. Они спрашивали у меня отъ кого я досталъ толь чудной инструментъ. Я отвѣчалъ имъ, что купилъ его за четыреста чекиновъ у одного иноземца, которой сказывалъ мнѣ при продажѣ, что оной потеряетъ свое дѣйствiе, естьли у меня отниметъ его кто насильно, но что всегда будетъ имѣть свою силу, усту-

уступая оной добровольно, только бы лишь я получилъ за него восемь чекиновъ барыша, потому что переходя такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, всегда накладывалось по восьми чекиновъ лишку, которыхъ онъ стоилъ съ самаго начала, и что считая по сему я уже тринатцатой ему хозяинъ.

Мои воры, слыша такую вѣдомость, потупили носъ; имъ хотѣлось нетерпѣливно достать мой рогъ, только такъ дорого купить не хотѣлось. Между тѣмъ вознамѣрились они со мною торговаться, и такъ просили меня неотступно уступить его имъ за двенатцать сотъ чекиновъ, что я на сїю сумму согласился. Они немедленно пошли къ себѣ домой, и какъ жили они всѣ трое вмѣстѣ, то кликнули своихъ женъ, сѣли за столъ и про-

просидѣли до самаго вечера. Около ночи и по окончанїи стола, поразогрѣвшись виномъ, вздумали они аппробовать свой рогъ, и для того всячески придирались къ своимъ женамъ: но давъ имъ нѣсколько хорошихъ оплеухъ, такъ они разсердились на своихъ мужей, что начали ихъ упрекать во всѣхъ мошенничествахъ, и притомъ грозили донесть о томъ Кадїю. А сїи бездѣльники того-то и ожидали. Отъ такихъ угрозъ притворились они притти въ великую ярость, и схвативъ каждой по ножу, перерѣзали тотчасъ своихъ женъ, которыя въ самомъ дѣлѣ не лучше ихъ были. Какъ скоро они на полу растянулись, то хотѣли они смотрѣть чуднаго дѣйствїя своего рога, однако сколько они ни трубили одинъ по одному на-уши сихъ нещастныхъ, только ни одна изъ

нихъ

нихъ не пошевелилась. Потомъ начали они наигрывать пѣсни, но увидя, что было то безъ всякаго дѣйствїя, ясно тогда они догадались, что знать нашла коса на камень, и поняли, какъ то и правда была, что я прокололъ у моей поварихи пузырь, подвязанной съ кровью. Они взбѣсились, не только что отъ меня обмануты, да еще и умертвили своихъ женъ, которыхъ не знали куда они дѣвать: между тѣмъ разсуждали они еще, что какбы ихъ збыть съ рукъ, и притомъ отмстить мнѣ, какъ Кадїевъ поручикъ, идучи съ нѣсколько десятскими по улицѣ, и услыша звукъ рога постучался, у ихъ воротъ, чтобъ провѣдать откуда происходилъ сей шумъ, которой мѣшалъ спать сосѣдамъ.

Три мошенника почли себя пропавшими, они столько испугались,

что не только отворить ворóта, да еще сами старались убѣжать, но поручикъ полицейской велѣвъ выломать дверь, и видя сіи три тѣла̀ плавающія въ крови̇, приказалъ виноватыхъ захватить и отвести въ тюрьму. Они пошли безъ сопротивленія, но только не знаю, какъ одинъ изъ трехъ ушолъ: другіе два тщетно представляли Кадію, что они были обмануты, и что они не думали, чтобъ жéны ихъ отъ того совершенно умерли. Онъ почелъ исторію о рогѣ за вымышленную баснь, и я на другой день съ удовольствіемъ видѣлъ моихъ мошенниковъ повѣшенныхъ предъ ихъ ворóтами.

Сколь моимъ мщеніемъ доволенъ я ни былъ, однако побѣгъ третьяго меня обеспокоивалъ; я опасался, чтобъ онъ не съигралъ со

мною

мною дурной какой шутки, и для того весьма остерегался чрезъ весьма долгое время, но напослѣдокъ, не смотря на мои предосторожности, не могъ я избѣжать отъ его рукъ.

Однимъ вечеромъ весьма поздо возвращаясь изъ Шираза, по нещастїю моему встрѣтился я сему мошеннику, которой столь искусно былъ переряженъ, что не могъ я его узнать, однако онъ меня тотчасъ узналъ; и какъ скоро увидѣлъ, то схвативъ за́-воротъ, при по́мощи трехъ злодѣевъ такихъ же, каковъ онъ самъ, бросили они меня въ большой мѣшокъ, которой у одного изъ нихъ подъ пазухою, завязали веревкою, и взваливъ на плеча, понесли меня, какъ я могъ слышать, чтобъ бросить въ рѣку. Я очевидно видѣлъ, любезные мои

братья, что пришелъ послѣдней мой часъ, и весьма раскаивался въ моемъ мщенїи за потерянїе лошака, какъ мои мошенники услыша шумъ проѣжжихъ людей, нѣсколько испугались, бросили меня не подалеку отъ дороги въ одинъ ровъ, не велѣли мнѣ нималѣйшей произносить жалобы, и сами удалились въ томъ намѣренїи, чтобъ вскорѣ опять за мною притти. Я отъ искренняго сердца препоручалъ себя великому нашему пророку: однако не имѣлъ столько на него одного надежды, чтобъ не призывать еще на помощь проѣжжающихъ.

По щастїю моему гналъ мимо того мѣста около тритцати барановъ одинъ мясникъ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

На крикъ мой подошелъ ко мнѣ тотъ мясникъ; онъ спрашивалъ меня, за чемъ я залѣзъ въ мѣшокъ, и для чего приносилъ такія жалобы? Ахъ, отвѣчалъ я горестно, я думаю хотятъ меня утопить, для чего не беру я за себя Кадіеву дочь: Кадіеву дочь! сказалъ онъ мнѣ, да для чево же ты глупенькой, не хочешь ея взять себѣ въ жену; она почитается прекраснѣйшею дѣвицею изъ всего Шираза. Не большая брезгливость въ томъ препятствуетъ, отвѣчалъ я, она брюхата, да только не отъ меня; и Кади, защищая ея честь, хочетъ, чтобъ я загладилъ чужой грѣхъ; но я сто разъ лучше желаю умереть, нежели получить такое безчестіе. Куда, братъ, какъ ты глупъ, отвѣчалъ мясникъ, мнѣ бы

такъ пальца въ ротъ не положили, и когда бъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, то не сталъ бы много въ томъ разбирать. Дѣло очень лехко, сказалъ я ему, полезай только вмѣсто меня въ мѣшокъ. Съ великою охотою, господинъ глупецъ, отвѣчалъ мясникъ, я еще отдаю тебѣ сверьхъ договора моихъ барановъ: да послушайка, полно согласится ли Кади на этотъ обманъ? Онъ ищетъ только зятя, сказалъ я, и приказалъ своимъ невольникамъ остановить перваго прохожаго, и спросить его, не женатъ ли онъ былъ, потому что любовникъ его дочери не давно умеръ, жребїй упалъ на меня, почему приведенъ я былъ предъ него, но большее брюхо ево дочери тотчасъ мнѣ омерзѣло. Онъ не успѣлъ лишъ на меня взглянуть, и въ своемъ гнѣвѣ приказалъ онъ меня бросить

въ

въ рѣку, когда я не перемѣню моего намѣренія: когда, братъ такъ, я охотно съ тобою промѣняюсь, сказалъ онъ мнѣ; потомъ развязалъ мѣшокъ, и вмѣсто меня въ оной влезъ. Я тотчасъ его завязалъ, и погнавъ барановъ передъ собою, возвращался въ свою деревню.

Чрезъ полчаса, мой воръ съ своими товарищами опять пришолъ по мѣшокъ. Мясникъ сидя въ ономъ изъ всего горла кричалъ: эй, сударимои, поведите меня къ Кадію; я намѣреніе свое перемѣнилъ, и женюсь на ево дочери, какбы она брюхата ни была: они подумали, что я отъ ужаса съ ума рехнулся, не отвѣчая ему ни слова, бросоли его въ рѣку, гдѣ онъ скончалъ дни свои. Мнѣ еще и понынѣ его жаль, однако со всѣмъ тѣмъ гораздо пріятнѣе ево тамъ

видѣть, нежели бы себя. Напослѣдокъ воры, вознамѣрясь разграбить мой домишка, поворотились къ нашей деревнѣ: они пришли туда въ самое то время, какъ я стучался у моихъ ворóтъ, и увидѣвъ меня, въ такой пришли ужасъ, что едва могли на ногахъ устоять. О небо, вскричали они, что это за чудо! какъ это ты не утонулъ, откуда ты здѣсь очутился, и гдѣ взялъ столько барановъ?

Правду сказать, я было не ожидалъ такъ скоро видѣть сихъ злодѣевъ, и сперьва нѣсколько испужался, но вдругъ опять спохватился, куда вы какíе ослы, сказалъ я имъ, когда бы вы бросили меня только четыре сажени подалѣе въ рѣку, то вмѣсто тритцати барановъ, привелъ бы я больше и трехъ сотъ. Какъ это статься можетъ? Такъ то, отвѣчалъ я,

въ

въ семъ мѣстѣ подъ водою живетъ одинъ благодѣтельной духъ, которой принялъ меня весьма милостиво, подарилъ мнѣ этихъ барановъ, перенесъ меня съ ними сюда, и сказывалъ мнѣ, что когда бы я упалъ въ воду не много подалѣе, то вынесъ бы съ собою ввосьмеро еще больше.

Воры такой новизнѣ весьма удивились; они нѣсколько времени промежъ собою шептали, и потóмъ одинъ изъ нихъ сказалъ въ слухъ своимъ товарищамъ, безъ сомнѣнія тутъ есть какая нибудь тайна: мы заподлинно увѣрены, что сего молодово человѣка бросили въ рѣку, у него барановъ никакихъ не было; мы только лишъ дошли сюда, а онъ ужè и прежде насъ очутился здѣсь съ тритцатью баранами, да и платье его кажется

будтобы въ водѣ не бывало: мнѣ думается, это дѣло хорошо бы намъ самимъ чрезъ себя испытать. Потомъ оборотясь ко мнѣ, нѣтъ ли у тебя здѣсь какихъ мѣшковъ, продолжалъ онъ? Я думаю, что есть, отвѣчалъ я, около полудюжины: два будутъ лишніе, отвѣчалъ онъ, запри твоихъ барановъ, возми четыре мѣшка и поди съ нами: я имъ не спорилъ: они довели меня до того мѣста, гдѣ, помнилось имъ, меня бросили, сыскали маленькую лодку, чтобъ я могъ ихъ бросить въ самую глубь, влѣзли каждой въ свой мѣшокъ, которые завязалъ я веревкою, и побросалъ ихъ въ рѣку ловить бурковъ. Съ того времени, любезные мои братья, я про нихъ не слыхалъ.

Наконецъ возвратился я къ себѣ домой спокойно, и отмстивъ

совер-

совершенно моимъ мошенникамъ: я прокла жался ихъ деньгами, и баранами бѣднаго мясника, но щастье мое не долго мнѣ послужило: мать моя по нещастїю въ одинъ вечеръ заронила въ хлѣву, и такой отъ того пожаръ здѣлался, что не только нашъ дворъ; но еще семь другихъ згорѣло. Мать моя видя себя чрезъ то въ крайней бѣдности, съ печали умерла, а я старался пропитанїе себѣ промышлять своимъ искусствомъ. Я пошелъ изъ Шираза, въ намѣренїи пристать къ какой либо шайкѣ комедїантовъ, шатающихся по Персидскимъ городамъ: встрѣтился съ симъ старымъ календеромъ; шли съ нимъ нѣсколько дней вмѣстѣ, обхожденїе и родъ его житїя мнѣ понравились; я здѣлался календеромъ также какъ и онъ, и вознамѣрились итти въ Индїю, гдѣ

не отчаяваюсь я опять приняться за комедіи, естьли наскучитъ мнѣ носить это платье.

Фарукъ, милостивѣйшій государь, продолжалъ бенъ-Эридунъ, слушалъ исторію молодова календера, съ несказаннымъ удовольствіемъ . . . Я довольно вѣрю, перервалъ царь Астраханской, ничто не можетъ забавнѣе быть, какъ похожденія обоихъ календеровъ, и я не сомнѣваюсь, чтобъ они не разбили печаль сего Принца о потери своего царства, потому что я самъ, гораздо больше его имѣя причины печалиться, ни мало не помышлялъ о моихъ нещастіяхъ, слушая толь шутливыя приключенія: но возвратись пожалуй къ Фаруку; я столько пріемлю участія въ злополучіяхъ сего нещастнаго Принца, что нетерпѣливно желаю

знать

знать продолженія его похожденій. Съ великою охотою, милостивѣйшій государь, отвѣчалъ сынъ Абюбекеровъ, мнѣ лехко удовольствовать ваше любопытство.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ о *Фарукѣ*.

Фарукъ и два календера прошли почти ужè всю Персію безъ всякаго достопамятнаго приключенія, какъ въ одинъ день для прикрытія отъ солнечнаго зноя своротивъ съ большей дорóги, вошли не въ большой лѣсокъ, для подкрѣпленія себя тамъ пищею; они услышали крикъ одново человѣка, котораго по видимому нѣкто билъ, тотчасъ туда побѣжали; но только ужè гораздо опоздали, чтобъ подáть помощь одному нещастному

му проѣжжему, котораго зарѣзали четыре разбойника. Какъ сїи злодѣи были вооружены, то увидя календеровъ, не побѣжали, напротивъ того убитаго обдирали, и одинъ изъ нихъ вздумалъ, чтобъ его изрѣзать въ куски. Фарукъ отъ такого безчеловѣчїя ужаснулся: эй, государи мои, сказалъ онъ имъ съ униженностїю, не можете ли вы довольны быть тѣмъ, что лишили сего человѣка живота, не произведя еще надъ его тѣломъ безпримѣрной лютости, помилуйте, оставте такое безчеловѣчїе.

Одинъ изъ убїйцъ взглянувъ свирѣпо на Фарука, нещастной календеръ, сказалъ онъ ему, что ты мѣшаешся не въ свое дѣло, береги твои представленїя для другихъ, а не для насъ; когда тебѣ жизнь твоя еще не наскучила, то удались

лись отъ сего мѣста и съ твоими товарищами, и смотри, чтобъ я и тебя не послалъ въ слѣдъ за тѣмъ, за котораго ты столь не къ стати стараешся.

Гурской Принцъ рѣчамъ сего человѣка не удивлялся: но, государь мой, продолжалъ онъ, сколько бы вы сердиты ни были; естьли я предложу вамъ на выкупъ мертваго сего тѣла двѣ тысячи чекиновъ, то не лучше ли вы согласитесь принять ихъ, нежели надъ онымъ такъ наругаться? безъ сомнѣнія, отвѣчалъ разбойникъ; кленись же мнѣ, что вы оставите мертвое тѣло, а я вамъ деньги выдамъ сей же часъ. Изволь, я кленусь, продолжалъ сей человѣкъ, чтобъ Каганской скорпіонъ уязвилъ насъ всѣхъ четверыхъ въ руку, естьли мы своего слова не здержимъ. Выдай намъ

намѣ двѣ тысячи чекиновѣ, а тѣло возми себѣ. Тогда Фарукѣ вынувѣ изѣ за пазухи свой перстень, которой стоилѣ больше того, сколько онѣ обѣщалѣ, отдалѣ ево имѣ безѣ всякаго сожалѣнія, а сіи нещастные, оставивѣ ему мертвое тѣло, сами удалились.

Два календера чрезвычайно удивились Фарукову поступку, которой называли они не великодушіемѣ, но дурачествомѣ.

****

СЕМИДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Какое же твое намѣреніе, сказали они ему? только у тебя и добра, что тотѣ одинѣ перстень, которой бы могѣ тебѣ служить вѣ самой крайней бѣдности; а ты и

тотѣ

тотъ отдалъ на выкупъ мертваго тѣла: можетъ ли что сумозброднѣе быть въ свѣтѣ? да и что ты хочешь съ этимъ тѣломъ дѣлать? Я хочу, отвѣчалъ имъ Фарукъ, погребсти его въ этомъ мѣстѣ: добрыя дѣла̀ никогда не пропадаютъ; вы же мнѣ и сами сказывали, что въ нашемъ родѣ житїя, тотъ перстень мнѣ со всѣмъ не надобенъ былъ: для чего же хотите вы, чтобъ для камня, которой людямъ разсудилось назвать драгоцѣннымъ, и которой только служитъ къ излишнему украшенїю, пропустилъ я случай исполнить толь святой долгъ, чтобъ покрыть землею музюльмана, которой, можетъ быть, нѣкогда будетъ моимъ ходатаемъ передъ богомъ?

Весьма разумное разсужденїе, отвѣчали календеры, но только не про-

прогнѣвайся, что мы оставимъ тебя одного исполнять толь благочестивой долгъ; нѣсколько опасно погребать здѣсь мертвое тѣло, и такое доброе дѣло могутъ толковать весьма въ худую сторону. Мы будемъ тебя дожидаться при выходѣ изъ этова лѣску; а естьли ты долго замѣшкаешся, то мы придемъ къ тебѣ, до захожденія солнца къ Ормусскимъ воротамъ, которые не далѣе отсюда одной мили.

Календеры дѣйствительно изъ лѣсу вышли, въ которомъ оставшись Фарукъ работалъ коломъ изъ всѣхъ своихъ силъ, чтобъ выкопать яму для положенія мертваго тѣла. Онъ упражнялся еще въ своей работѣ, какъ ѣхала мимо сего мѣста команда Ормусскаго Кадія. Какъ всегда почти разсуждаютъ о житіи по наружнымъ видамъ, то Фарука

рука схватили подъ караулъ, подозрѣвая быть его убійцею сего мертваго тѣла. Сколько онъ ни свидѣтельствовался небомъ въ своей невинности, однако привязали его къ лошадиному хвосту, и привезли такимъ образомъ въ Ормусъ, гдѣ онъ брошенъ былъ въ темницу.

Два календера въ такомъ состояніи его видѣли: мы вить ему, говорили они промежъ собою, предсказывали его нещастіе, и онъ дошелъ до того своимъ упрямствомъ, и шли за нимъ издали; но опасаясь, чтобъ и ихъ не вмѣшали въ такое важное дѣло, не осмѣлились они просить за него.

Принцъ Гурской просидѣлъ всю ночь въ преужасной тюрьмѣ; а на утро представили его Кадію: онъ былъ допрашиванъ, и сколько къ

сво-

своему оправданїю ни предъявлялъ, однако ничего принято не было: напослѣдокъ осужденъ былъ на смерть, и выведенъ тотчасъ на Ормусскую площадь, чтобъ повѣшену быть.

Сей монархъ стоя у висѣлицы слушалъ о себѣ приговоръ спокойнымъ духомъ: О, небо! вскричалъ онъ по прочтенїи, ты всегда справедливо: должно ли, чтобъ я наказанъ былъ за такое дѣло, которое заслуживаетъ награжденїя передъ богомъ, и чтобъ виноватѣе? Ахъ разумные календеры, вы по справедливости отговаривали мнѣ погребать мертвое сїе тѣло.

Принцъ вымолвивъ сїи словà, взглянулъ нечаянно на Кадїеву руку, которой хотѣлъ самъ присудствовать при сей кàзни, и узнавъ на его паль-

пальцѣ свой перстень, отданной убійцамъ: Ахъ, милостивой государь, сказалъ онъ ему, великой пророкъ, стараясь безъ сомнѣнія о моей пользѣ, не хочетъ дать пропасть невинному, вотъ на вашемъ пальцѣ тотъ перстень, которой отдалъ я тѣмъ, кои зарѣзавъ музюльмана, хотѣли еще произвести и надъ его тѣломъ неслыханное безчеловѣчіе. Теперь вамъ лехко найти виноватыхъ, и два календера, мои товарищи, которые должны теперь быть въ Ормусѣ, также ихъ узнаютъ, какъ и я.

Кади услыша сіе, поблѣднѣлъ какъ смерть: онъ казнь Гурскаго Принца отложилъ и пошелъ домой.

СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я имѣлъ честь Вашему Величеству вчера сказывать, говорилъ бенъ-Эридунъ, что Ормусской Кади чрезвычайно изумился, когда увѣрилъ Фарукъ, что у него былъ на рукѣ его перстень; да онъ и причину къ тому имѣлъ, потому что онъ купилъ его за-двѣ тысячи и триста чекиновъ, у роднаго своего единороднаго сына, про котораго носился слухъ, что онъ былъ великой мотъ, и водилъ знакомство съ мошенниками. Пришедъ домой сей судья, немедленно велѣлъ сыскать своего сына: одинъ невольникъ ему сказалъ, что онъ съ десятью, или двенатцатью изъ своихъ прiятелей пошелъ гулять въ загородной садъ. Кади поѣхалъ туда тотчасъ самъ, и захвативъ ихъ всѣхъ подъ карауль, предста-

вилъ

вилъ Фаруку, чтобъ онъ узнавалъ тѣхъ убійцъ. Сей Принцъ разглядывалъ ихъ одного за другимъ, и узнавъ двоихъ, не смотря на перемѣнное платье, вотъ, милостивой государь, одному изъ сихъ двоихъ, сказалъ онъ Кадію, указывая прямо на его сына, отдалъ я мой перстень для искупленія мертваго тѣла: это онъ, и одинъ изъ сихъ молодыхъ мотишковъ, умертвили человѣка, чему свидѣтель я, и два календера: другихъ же участниковъ въ ихъ злодѣйствѣ я между сими людьми не нахожу, и естьли вы, милостивой государь, на моихъ словахъ не утверждаетесь, то прикажите найти въ Ормуссѣ двухъ моихъ товарищей. Когда они виноватыхъ не признаютъ, то я хочу потерять жизнь мою наилютѣйшимъ мученіемъ. Календеровъ найти не трудно было; ихъ при-

привели въ садъ, гдѣ былъ Кади, они разсматривали двенатцать заключенныхъ, и подтвердивъ доказательство Фаруково, весьма удивились, также какъ и Принцъ; видя, что Кади рвалъ на себѣ платье и чалму, и бросился брюхомъ на землю: ахъ, нещастной отецъ, вскричалъ сей судья, которому уличенїе календеровъ не могло быть подозрительно, должно ли тебѣ предать единороднаго своего сына безчестной казни? Нѣтъ, сквернавецъ, сказалъ онъ ему, я до безславїя себя не допущу, однако ты смерти не избѣжишь, и я буду самъ твой палачъ. Потомъ схвативъ саблю у одного изъ предстоящихъ, срубилъ сему злодѣю голову, и пытая прочихъ одинатцать товарищей, вывѣдавъ у нихъ, претысячи ужасныхъ злодѣйствъ, умертвилъ ихъ всѣхъ, сбросивъ съ высо-

кой

кой башни на желѣзные кручья, и оставилъ въ Ормусѣ ужасной примѣръ своего правосудія.

Сей нелицемѣрной и чести наполненной судья, не могъ безъ ужаса вздумать, какъ было онъ осудилъ Фарука: о небо, вскричалъ онъ, такъ безъ сего перстня умертвилъ бы я неповиннаго? Сколь наше проницаніе ограничено, и сколь легко ошибиться въ такомъ званіи, какъ мое. Этово довольно, я отъ онаго отказываюсь, и хочу во всю мою жизнь просить у бога отпущенія въ грѣхахъ, которые, может быть, я содѣлалъ невѣденіемъ, предупрежденіемъ, или лѣностію въ точномъ изслѣдованіи дѣла. Потомъ оборотясь къ Фаруку, которой указавъ Кадію того, кому отдалъ свой перстень, не зналъ, что ему сей столь былъ

дорогъ: богобоязливой календеръ, говорилъ онъ ему, оставь сїе платье, и живи у меня на мѣсто сего злодѣя, котораго я казнилъ за всѣ его преступленїя: я отдаю тебѣ все мое имѣнїе, когда ты имѣешь опое толь хорошо употреблять, возми оное прошу я васъ, и здѣлай мнѣ, чтобъ я съ удовольствїемъ пошелъ въ гробъ, въ которомъ почти ужѐ стою одною ногою.

Фарукъ, милостивѣйшїй государь, приведенъ въ жалость словами сего нещастнаго отца, бросился къ его ногамъ: присудствїе мое, сказалъ онъ ему, великодушной Кади, безпрестанно будетъ вамъ приводить только на память печальную смерть вашего сына, позвольте лучше, чтобъ я удалилъ отъ вашихъ глазъ предметъ . . . Напротивъ того, отвѣчалъ сей судья,

оно

оно истребитъ напамятованїе, которое воображало бы мнѣ непрестанно уединенїе, въ которомъ я отнынѣ жить намѣренъ, не оставь меня, я тебѣ еще разъ повторяю, естьли ты имѣешь какую либо жалость съ нещастнымъ отцомъ. Кади обнималъ съ горячностїю Фарука при своемъ прошенїи и Принцъ не могши противиться его слезамъ, согласился на все, чего онъ отъ него требовалъ.

Вотъ нашъ Гурской царь здѣлался прїемышемъ Кадїя, и принужденъ окончать свои дни въ Ормусѣ. Но другїе два календера на то не согласились, сколько Принцъ ихъ ни обнадеживалъ своимъ неоставленїемъ, однако не могъ уговорить: они держались своего намѣренїя, чтобъ итти въ Индїю и въ Китай: и Фарукъ могъ только

ихъ едва принудить взять на каждаго по двѣ тысячи золотыхъ чекиновъ.

Принцъ Гурской, милостивѣйшій государь, жилъ щастливо и спокойно съ Кадіемъ, которой, не смотря на его сопротивленія, учинилъ его своимъ наслѣдникомъ: онъ обходился съ нимъ, и любилъ его такъ какбы роднаго своего сына, и сей доброй старикъ не могъ нарадоваться, что столько удалось ему въ его выборѣ, однако не долго наслаждался своимъ усыновленіемъ: онъ чрезъ восемь мѣсяцовъ занемогъ весьма опасно, и напослѣдокъ препоручилъ праведную свою душу въ руки Ангела смерти.

Фарукъ пришелъ отъ того въ безпритворную и искреннюю печаль, потомъ разсмотрѣлъ, на сколько про-

простирается его имѣнiе, и видя, что оное было весьма многочисленное, то раздѣлилъ на-двѣ части, изъ которыхъ одну взялъ себѣ, а другую употребилъ на построенiе мечети и гостинницы у воро́тъ Ормускихъ. По окончанiи оной мечети, положилъ тамъ своего благодѣтеля, и здѣлавъ ему самъ похвальную надъ гробную надпись, велѣлъ вырѣзать оную на мраморномъ при гробницѣ столбѣ.

Принцъ Гурской исполнилъ всѣ должности усерднаго сына, скучилъ скоро праздными своимъ въ Ормусѣ житiемъ. Напамятованiе прежняго его состоянiя, непрестанно поощряло его учинить какiя либо дѣла̀, которыя могли бъ его возвести на первую степень его великости. Для достиженiя того, вознамѣрился онъ продать осталь-

ное Кадїево имѣнїе, и вооружитъ корабль, которымъ бы могъ прославить свое имя. Онъ намѣренїе сїе исполнилъ, и выбравъ въ Ормусѣ храбрѣйшихъ людей, въ короткое время толикую пропустилъ славу по Арапскому морю и по всему Индѣйскому Океану, что только лишь и говорили о его неустрашимости и его побѣдахъ.

Въ тогдашнее то время, милостивѣйшїй государь, попались ему въ полонъ Принцессы Тефлиская и Борнейская. Ваше Величество знаете продолженїе его похожденїй до того времени, какъ Гюльгюли-Шемаме упала въ море: и вотъ что читалъ я далѣе о его жизни въ лѣтописцахъ острововъ Дивандурускихъ.

Фарукъ проснувшись, чрезвычайно изумился, не видя больше Принцессы

цессы на кораблҍ. Ему сказали о случившемся паденїи ночью, и онъ столь сильно отъ того запечалился, что многократно самъ себя хотҍлъ умертвить: однако не допустили его до такого отчаянїя, всҍ бывшїе на кораблҍ люди, и наконецъ успокоили его разумными представленїями.

Въ то время какъ Принцъ нáчалъ быть нҍсколько спокойнҍе, усмотрҍлъ онъ и́здали два судна, идущїя по вҍтру на него; онъ не усумнился ихъ дожидаться, и напавъ на нихъ, въ своемъ отчаянїи оказалъ онъ столь удивительныя дҍла̀ своей храбрости, что вскорҍ ими завладҍлъ. Онъ сїи два судна осмотрҍлъ, и велҍлъ перевести на свой корабль плҍнныхъ, которые казались ему быть не подлаго рода, приказалъ на другихъ

наложить цепи, для одной только своей безопасности, и до прибытія до какой либо пристани, гдѣ намѣренъ онъ былъ даровать имъ вольность.

Семьдесятъ вторая четверть часа.

Между плѣнниками находившимися на Фаруковомъ кораблѣ, были два молодые человѣка весьма собою пригожіе и чисто одѣтые, которыхъ лица Принцу Гурскому не со всѣмъ незнакомы были. Онъ долго добирался, гдѣ бы ихъ могъ видѣть, однако не вспомнилъ; и спросивъ у нихъ, не встрѣчались ли они съ нимъ гдѣ, одинъ изъ нихъ ему отвѣчалъ, что онъ никогда имѣть сей чести не помнилъ, и что больше уже трехъ лѣтъ, какъ

они странствуютъ въ Китаѣ и Индіи.

Фарукъ думая въ томъ ошибится, симъ отвѣтомъ былъ доволенъ, и препроводя остатокъ дня въ покоѣ, [естьли могъ только оной имѣть, лишившись Принцессы Тефлиской] затворился въ своемъ каютѣ, и утомясь дневными трудами, заснулъ онъ весьма спокойно.

Сна его больше двухъ часовъ не было, какъ онъ вдругъ пробудился отъ сновидѣнія, которое показалось ему весьма важнымъ. Тотъ человѣкъ, котораго онъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, погребъ близъ Ормуса, явился ему во снѣ. Ты справедливо, государь мой, говорилъ ему сіе привидѣніе, представлялъ двумъ календерамъ твоимъ

имъ товарищамъ, которые отговаривали тебѣ покрыть меня землею, что доброе дѣло никогда безъ награжденія не остается, вотъ пришло теперь время, что я могу тебѣ отплатить за твою богобоязливость: два человѣка, о которыхъ ты вчера не могъ вспамятовать, мои убійцы, то есть тѣ, кои спаслись отъ ка́зни своимъ бѣгствомъ: они тебя весьма узнали, не смотря на перемѣну твоего состоянія, и опасаясь справедливаго наказанія за свои злодѣйства, зарѣзали ужѐ у твоихъ дверей часоваго, и тотчасъ взойдутъ сюда, чтобъ и тебя зарѣзать.

Принцъ, какъ я ужѐ Вашему Величеству сказывалъ; по окончаніи сего сновидѣнія проснувшись, не почелъ за пристойно презрѣть толь полезное предсказаніе; онъ всталъ,

и услыша стукъ у дверей своего каюта, которой нѣсколько освѣщенъ былъ горящею лампадою, взялъ свою саблю, сталъ за дверью, ожидая збытїя толь необыкновеннаго сновидѣнїя. Лишь только такимъ образомь успѣлъ онъ стать, какъ потихоньку дверь его отворилась, и увидѣлъ онъ вошедшихъ двухъ злодѣевъ, каждаго съ кинжаломъ въ рукахъ; онъ до себя ихъ не допустилъ, и отрубивъ у одного саблею руку, а другова хлеснулъ ефесомъ въ рожу, кликнулъ своихъ матрозовъ, велѣлъ имъ схватить сихъ убїйцъ, и выговоривъ имъ смертноубїйство, учиненное близъ Ормуса, велѣлъ ихъ тотчасъ повѣсить на корабельной мачтѣ.

Фарукъ расказалъ всѣмъ бывшимъ на суднѣ, какимъ образомъ

спасъ онъ свой животъ отъ сновидѣнія, заперся опять въ свой каютъ; благодарилъ съ колѣнопреклоненіемъ великаго пророка за такую посланную ему нечаянную помощь, и легши опять на постелю, лишъ только онъ заснулъ, какъ тотъ же человѣкъ явился ему въ другой разъ: этова не довольно, сказалъ ему сіе привидѣніе, чтобъ спасти только твою жизнь отъ злоумышленія сихъ злодѣевъ; сіе необходимо я долженъ былъ для тебя здѣлать, но еще хочу, чтобъ ты зналъ, кому ты сею предосторожностію долженствуешь. Меня звали Алмазомъ; я былъ единородной наслѣдникъ Зелабдина, царя Дивандуруских островов; тому ужѐ шесть лѣтъ, какъ получа дозволеніе отъ царя, моего отца путешествовать, отправился я самъчетвертъ только въ намѣреніи объ-

ѣздить

ѣздитъ Персїю и Татарїю ; три мои товарища во время сей ѣзды померли : и я возвращался одинъ подъ скрытнымъ именемъ въ Ормусъ, чтобъ нанявши тамъ судно, отъѣхать въ Дивандуру, какъ умерщвленъ я былъ сыномъ Ормускаго Кадїя.

Отецъ мой съ самаго моего отъѣзда ничего обо мнѣ не слыхалъ, и ожидая моего возвращенїя съ нетерпѣливостїю, близъ мѣсяца одержимъ болѣзнїю, отъ которой онъ, какъ написано на дскѣ свѣтила, излечиться не можетъ, и великой нашъ пророкъ исходатайствовалъ въ мою пользу, чтобъ мечь Ангела смерти оборжавѣлъ въ ножнахъ до самаго твоего прїѣзда въ Дивандуру, гдѣ ты женисся на Принцессѣ Герунѣ, моей сестрѣ; поѣжжай туда безъ опасенїя, я воз-

вѣщу тамъ твой пріѣздъ; а чтобъ въ тебѣ не могли опознаться, то положу на тебя печать предопредѣленія. Потомъ оное привидѣніе прижалъ огненную печать къ Принцовой рукѣ столь крѣпко, что почувствовавъ тотчасъ великую боль, такъ громко закричалъ, что разбудилъ всѣхъ своихъ людей; они къ нему прибѣжали, онъ расказалъ имъ вторичное сіе сновидѣніе; и нашедъ оное дѣйствительнымъ по знаку, учиненному на его рукѣ, и въ которомъ ясно прочесть было можно имя божіе и великаго пророка, не усумнился онъ болѣе держать свое плаваніе къ островамъ Дивандурускимъ, куда и прибылъ чрезъ пять недѣль.

Благополучные вѣтры ввели его въ пристань въ назначенной срокъ. Царь сихъ острововъ крайнѣ былъ боленъ,

боленъ, и Принцесса его дочь, не отходя отъ него ни на минуту, чрезвычайно о томъ сокрушалась: наступающая смерть ея отца приводила ея со всѣхъ сторонъ въ достойное жалости состоянїе. Царь Кананорской, котораго предки имѣли прежде сего нѣкоторое право требовать островов Дивандуруских, ожидалъ только Зелабдиновой смерти, чтобъ учинить нападенїе на его царство, и пользоваться отсудствїемъ Принца его сына; но Фарукъ, милостивой государь, весьма инако состоянїе дѣлъ перемѣнилъ.

Алмазъ явился царю, своему отцу, ночью, на канунѣ прїѣзда Гурскаго Принца увѣдомилъ его о своей безчеловѣчной смерти, о жалости Фаруковой, о повелѣнїи данномъ ему съ небеси заклеймить

его печатью, и послать въ Дивандуру для бракосочетанія съ Геруною, и приказалъ ему отъ имени великаго пророка приготовляться свято къ смерти.

Зелабдинъ, удивясь сему сновидѣнію, приписывалъ оное дѣйствію жестокой горячки: но въ такую же пришелъ онъ горесть, когда Геруна, которая спала подлѣ кравати своего отца, вдругъ вскочила, и надернувъ на себя спалное платье, подбѣжала къ Зелабдиновой постѣли. Ахъ! милостивой государь, говорила она ему заливаясь слезами, конечно моего брата нѣтъ больше на свѣтѣ! Я видѣла его теперь всего окровавленнаго; онъ меня увѣдомилъ, что зарѣзалъ его сынъ Ормускаго Кадія; что одинъ молодой Принцъ прикрываясь подъ календерскимъ платьемъ,

емъ, ево похоронилъ; что сей же самой Принцъ, котораго узнаемъ мы по имени божїю, запечатлѣнному на его рукѣ, прибылъ сюда сего же часа для сопротивленїя несправедливому царя Кананорскаго предпрїятїю, и что написано на небеси, нашему свободителю быть моимъ супругомъ. Ахъ, любезная моя Геруна, отвѣчалъ печальной Зелабдинъ, твое сновидѣнїе весьма истинное! Алмазъ, которой также и мнѣ явился, тоже самое сказывалъ, но онъ присовокупилъ еще къ тому одно извѣстїе, которое ты по твоей ко мнѣ горячности, можетъ быть, скрываешь, опасаясь меня испугать: Азраилъ стоитъ въ головахъ моей кравати, ожидая исхода моей души, и союзъ ея съ моимъ тѣломъ столь уже не долговремененъ, что я едва буду имѣть удовольствїе видѣть тебя

соеди-

соединенную съ Принцомъ Гурскимъ: ахъ, милостивой государь, сїе то обстоятельство хотѣла я отъ васъ умолчать, и которое въ несносную меня печаль ввергаетъ, отвѣчала Дивандуруская Принцесса, не ужѐ ли я васъ, милостивой государь, лишаюсь . . . Конечно моя дочь, перервалъ Зелабдинъ съ твердостїю, станемъ мы оба прїуготовляться къ жестокому сему разлученїю основательною преданностїю, которой требуетъ отъ насъ точное сходство нашихъ сновидѣнїй; и прочти мнѣ, пожалуй, стишки изъ алкорана, которые повелѣваютъ намъ взирать на сей необходимой путь безъ ужаса.

Геруна, обливаясь слезами, вынула алкоранъ изъ зеленой суконной сумки, читала своему отцу до самаго разсвѣта многїя главы

изъ

изъ сей божественной книги, и была еще въ семъ набожномъ упражненїи, какъ пришли доложить царю о прибытїи въ прїстань одного корабля, которой привезъ извѣстїе о Принцѣ Алмазѣ.

СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Услыша сїю вѣдомость, которая возбудила всю Зелабдинову горесть, вскричалъ онъ: ахъ, любезная моя Геруна, вотъ наши сновидѣнія совершились: поди хорошенько уберись, чтобъ выттти предъ Гурскаго Принца, и прикажи ввести его въ мой покой безъ замедленія. Геруна пошла одѣваться между тѣмъ какъ пошли сказать Фаруку о повелѣнїи царя Дивандурускаго. Молодой Принцъ,

введенъ будучи въ спальню умирающаго монарха, столько увидѣлъ печали на его лицѣ, что не въ силахъ былъ выговорить ему о смерти его сына. Зелабдинъ оное примѣтилъ, государь мой, сказалъ онъ ему слабымъ голосомъ, мнѣ ужѐ ваше имя, и причина вашего прїѣзду небезъизвѣстна, не опасайтесь умножить мою горесть объявленїемъ о смерти дражайшаго моего сына Алмаза, онъ самъ предупредилъ меня о такомъ печальномъ приключенїи. Фарукъ, милостивой государь, не зналъ что отвѣтствовать на Зелабдиновы слова, какъ вошла въ его спальню прекрасная Геруна. Гурской Принцъ увидя ея упалъ безъ памяти, да и притомъ на царскую кравать: сїе приключенїе сего монарха и его дочь привело въ крайнее удивленїе.

Нату-

Натура сама, милостивой государь, продолжалъ бенъ-Эридунъ, забавлялась приуготовить путь къ любви между Фарукомъ и Геруною. Сія Принцесса столь совершенно сходна была на Гюльгюли-Шемаме, что Принцъ Гурской не могъ на нея взглянуть безъ чрезвычайнаго смущенія. Мало помалу онъ очувствовался, и узнавъ по различію стана, что онъ ошибся, не разсудилъ за пристойно открыть Герунѣ потаенную причину скоропостижнаго такого обморока, и оборотясь къ Зелабдину: Ахъ! милостивой государь, говорилъ онъ ему упустите мнѣ мое невольное неучтивство: прекрасные глаза прелестной Геруны такъ чувствительно пронзили мое сердце, что я отъ сего удара не въ силахъ былъ на ногахъ устоять; но вздумавъ извиняться въ одномъ неучтивствѣ,

примѣ-

примѣчаю я, что и въ другое еще попалъ; весьма непристойно говорить о любви въ мѣстахъ преисполненныхъ горестїю и печалями; и хотя, кажется, имѣю я смѣлость къ тому по увѣренїю данному мнѣ отъ тѣни Принца вашего сына, и по знакамъ божественнымъ, которые наклеймилъ онъ на правой моей рукѣ, однако довольно я чувствую мое неразумїе въ семъ случаѣ.

Все вамъ позволено, государь мой, отвѣчалъ печальной Зелабдинъ, когда небо предопредѣлило васъ быть супругомъ прекрасной Геруны; я бы весьма немилостивъ былъ, чтобъ противиться такой страсти, которая должна дѣлать все благополучїе ея жизни, а напротивъ того много радуюсь, что ея прелести столь скоро и чувствительно тронули чувства толь

совер-

совершеннаго Принца: но пожалуй, государь мой, увѣдомь меня о жребiи моего сына, потому что вы только одни можете мнѣ о томъ подать обстоятельное извѣстiе. Фарукъ въ сiе время не могъ преминовать, чтобы не увѣдомить Зелабдина о жалостной смерти Алмаза. Онъ расказалъ ему всѣ оной обстоятельства, какъ можно, покороче; наказанiе его убiйцъ, явленiе нещастнаго сего Принца, и имянное отъ него повелѣнiе ѣхать въ Дивандуру, гдѣ обнадежилъ онъ его о полученiи сердца прекрасной Геруны.

Лишъ только, милостивой государь, Принцъ Гурской повѣсть свою окончилъ, какъ поспѣшно пришли сказать Зелабдину, что самъ Кананорской царь прiѣхавъ къ острову, туда высадилъ на-берегъ многочислен-

численное войско, и что повсюду жжетъ и рубитъ. Ахъ, милостивой государь, сказалъ Фарукъ, мнѣ должно за васъ отмстить утѣсненіе несправедливаго сего монарха; я либо самъ погибну со всѣмъ моимъ войскомъ, или вскорѣ принесу предъ васъ его голову. Потóмъ Принцъ отдавъ низкой поклонъ царю, оборотился къ Принцессѣ, а вы, сказалъ онъ ей, прекрасная Геруна, позволите ли мнѣ ласкать себя, что ужѐ я вамъ столько милъ, чтобъ достоинъ былъ вашихъ къ небу молитвъ такой Принцъ, которой не пощадитъ до послѣдней капли своей крови, прежде нежели царь Канаторское совершитъ неправедное свое предпріятіе.

Дивандуруская Принцесса отъ Принцова привѣтствія изумилась: она

она не знала что на то отвѣтствовать; но какъ любовь ея казалась быть одобрена великимъ пророкомъ и ея отцомъ: то сказала ему, поди, государь мой, куда призываетъ васъ слава; дѣло наше весьма справедливо, чтобъ побѣжденъ былъ царь насъ утѣсняющей: но не поступайте столь горячо вашею храбростїю, чтобъ я могла отъ того имѣть новую причину къ горести. Принцесса не могла вы молвить сихъ словъ безъ краски въ лицѣ; и Фарукъ восхищенъ будучи радостїю, видя склонное къ себѣ Принцессино сердце, побѣжалъ для произведенїя въ дѣйство, даннаго своего обѣщанїя. Онъ собралъ во мгновенїе ока все свое войско, и соединивъ съ онымъ армїю царя Зелабдина, повелъ ихъ противъ непрїятеля съ такою неустрашимостїю, что видна была по его

лицу извѣстная надъ онымъ побѣда.

Царь Кананорской такой сперьва навелъ страхъ на весь островъ, что всѣ отъ него бѣжали: но Фарукъ поворотя бѣглецовъ, такъ сильно на него наступилъ, что онъ ужè съ своей стороны̀ принужденъ былъ назадъ податься. Пришедъ въ отчаянїе видя себя побѣжденнымъ отъ одного только человѣка, потому что, такъ сказать, одинъ Фарукъ удерживалъ его побѣду, продирался онъ сквозь тысячу мечей для сраженїя съ нимъ, и Принцъ Гурской, желая нетерпѣливно перевѣдаться своими силами съ царемъ Кананорскимъ, поскакалъ тотчасъ противъ него, поражая все, что ему ни попадалось, такимъ ѡбразомъ сразились они весьма ужасно, и напослѣдокъ сей бой обратился въ

пользу

пользу Фарука. Царь Кананорской лишился на оном живота, и какъ смерть его привела въ безсилїе солдатъ, то старались они убѣжать на свои суда, но Принцъ Гурской немедленно слѣдуя за ними въ погоню, всѣхъ ихъ положилъ на мѣстѣ, а суда ихъ отдалъ на разграбленїе.

По толь совершенной побѣдѣ Принцъ возвратился во дворецъ посреди восклицанїй всего народа, и принятъ былъ Зелабдиномъ, а особливо несравненною Геруною съ несказанною радостїю. Симпатїя, которая обыкновенно дѣлаетъ великїе успѣхи въ короткое время, столько преклонили къ нему сердце сей Принцессы, что она не могла утаить своего удовольствїя, видя себя назначенною въ супруги толь совершенному Принцу.

СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ и послѣдняя ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Фарукъ, милостивой государь, былъ собою весьма пригожъ, живъ тѣломъ, поступокъ благородныхъ, хорошаго духа, чрезвычайно проворенъ и храбръ несказанно. Сего довольно было для воспламененія молодой Принцессы, которую по щастливому ея сходству съ Гюльгюли-Шемамею, сей молодой герой ужѐ обожалъ. Словомъ сказать, Зелабдинъ не хотѣлъ медлить ни часомъ въ совершеніи благополучія сихъ любовниковъ; онъ соединилъ ихъ того же дня, и обьявя Фарука своимъ наслѣдникомъ, отправился вскорѣ потóмъ для принесенія отчета въ своихъ дѣлахъ предъ престоломъ Величества божія.

Вотъ, милостивой государь, всѣ похожденія Фаруковы. Сей Принцъ

любимъ будучи прекрасною Геруною, оплакавъ искреннѣ смерть Зелабдинову, препроводилъ свои дни съ достойною супругою въ пресовершенномъ благополучїи, и оставилъ по себѣ Принцовъ, которыхъ потомки и понынѣ еще царствуютъ въ островахъ Дивандурускихъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Доктора Абюбекера.

Въ самое то время, какъ бенъ-Эридунъ окончивалъ повѣсть о Фарукѣ, слышимы были во всей Астрахани тысячекратныя радостныя восклицанїя, которыхъ звукъ дошелъ и до Шемсъ-Эддинова дворца. Сей монархъ, удивясь такой новости, приказалъ немедленно Визирю Мютамгиду освѣдомиться о причинѣ сего крика: онъ вышелъ за

тѣмъ изъ дворца, но въ тужъ минуту опять воротился. Ахъ! милостивѣйшій государь, вскричалъ онъ съ великимъ восторгомъ; я теперъ видѣлъ Абюбекера съ одною въ покрывалѣ женщиною, которую онъ ведетъ сюда за-руку, конечно ваши злополучія прекращаются, и вашъ народъ чувствуемую отъ присудствія сихъ двухъ особъ въ сердцѣ своемъ радость изъявляетъ радостными восклицаніями.

Мютамгидъ не успѣлъ еще договорить царю Астраханскому толь пріятную вѣдомость, какъ Бенъ-Эридуновъ отецъ взошелъ въ залъ, гдѣ сидѣлъ Шемсъ-Эддинъ, въ препровожденіи великой толпы народа, которой выломалъ и двери; онъ повергнулся къ ногамъ своего царя: милостивѣйшій государь, говорилъ онъ ему, вотъ вѣрной вашъ

рабъ

рабъ возвратился къ Вашему Величеству еще прежде назначеннаго срока, и привелъ съ собою сокровище, которое не могъ я нигдѣ индѣ найти, какъ въ самомъ Серендибѣ, то есть сїю женщину, которая имѣетъ вамъ возвратить зрѣнїе. Подойди поближе, любезной мой Абюбекеръ, чтобъ я могъ тебя обнять, отвѣчалъ царь Астраханской: такїе подданные какъ ты и твой сынъ, заслуживаютъ всякой монаршей милости и благоволѣнїя: пускай же сїя толь рѣдкая въ своемъ родѣ женщина отвѣдаетъ свой опытъ; но я напередъ тебѣ сказываю, что хотя бы ей въ томъ и не удалось; однако я всё не меньше тобою одолженъ буду.

Предстоящая въ покрывалѣ женщина, по сему повелѣнїю, подошла

шла къ Шемсъ-Эддинову трону; каждой съ великою жадностїю хотѣлъ видѣть, что происходить будетъ; и не много людей, а особливо доктора̀, подавали вѣру сему лекарству, какъ оная женщина, вынувъ изъ за пазухи золотую фляжку, помазала Астраханскому царю глаза̀ водою, собранною на чудномъ Серендибскомъ деревѣ. Лишъ только божественной сей сокъ коснулся до Шемсъ-Эддиновыхъ зорочковъ, какъ почувствовалъ онъ во всемъ своемъ духѣ нѣкоторую живость: два бѣльма, которыя препятствовали дѣйствїю зрѣнїя лучамъ, изчезли, и сей государь получивъ опять въ сїю минуту свое зрѣнїе, столь же чисто, каково оно было и до злодѣйства Бенъ-Букарова, которой лишилъ его онаго толь безчеловѣчнымъ образомъ, вскричалъ съ радостнымъ восторгомъ: о

небо,

небо, возможно ли статься, чтобъ мракъ, покрываемой мои глаза чрезъ толь долгое время наконецъ исчезнулъ! Такъ конечно, я вижу тебя любезной мой Мютамгидъ: это вы вѣрные мои подданные, которыхъ черты не могли изъ моей памяти выпти чрезъ толь долгое ослѣпленiе: такъ по этому я опять вижу свѣтъ!

Удивленiе столь было чрезвычайное, и радость столь неописанная, что со всѣхъ сторонъ слышно только было бiенiе руками; но царь приказавъ молчать, говорилъ къ покрытой женщинѣ, стоящей передъ нимъ въ учтивомъ молчанiи: кто бы ты такова ни была, преславная героиня твоего пола, ожидай всего за такую услугу, которая довольно награждена быть не можетъ: лишенiе любезной моей

Зебдъ-Эль-Катоны не дозволяетъ мнѣ раздѣлить съ тобою мой тронъ; никакая женщина, сколь бы она прекрасна ни была, во вѣки моемъ сердцемъ обладать не можетъ, но будь увѣрена о благодарности безпредѣльной и всегда повторяемой.

Впрочемъ, государыня моя, не скрывайте больше отъ меня и отъ моихъ подданныхъ лица̀, которымъ я столько одолженъ: снимите, пожалуйте, сїе покрывало, и покажите намъ глаза̀, коихъ живость ослѣпляетъ, хотя еще пламя оныхъ, и удерживается прикрытымъ флѡ̂ромъ.

Покрытая женщина не могла ослушаться сей прозьбы. Она сняла свое покрывало: но каковъ сталъ тогда Шемсъ-Эддинъ, увидя лице, котораго зрѣнїя не могъ онъ

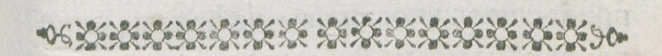
снести?

снести? Онъ упалъ на свой тронъ, и опомнившись спустя нѣсколько минутъ, Ахъ! Зебдъ-Эль-Катона, любезная моя Зебдъ-Эль-Катона, вскричалъ онъ, васъ ли это я вижу; и мое сердце, на которомъ глубоко вырѣзанъ вашъ образъ, не все ли представляющееся моимъ глазамъ за васъ почитаетъ? Нѣтъ, милостивой государь, отвѣчала женщина, снявшая съ себя покрывало, обливаясь радостными слезами, я та Зебдъ-Эль-Катона, которую почитали вы мертвою: я жива, и столько притомъ щастлива, что прекратила ваши злополучія. Ахъ! безъ сомнѣнія, говорилъ царь, обнявъ любезно свою супругу, всѣ мои нещастія окончились, когда я опять васъ вижу. Богъ мнѣ свидѣтель, что не проходило ни одного дня послѣ мучительнаго нашего разлученія, чтобъ я не проливалъ

ливалъ о васъ слезъ: но вотъ теперь ужѐ источникъ оныхъ пересохъ.

Сей разговоръ, и взаимныя ласканїя сихъ достойныхъ супруговъ, чувствительно тронули предстоящихъ. Они весьма удивлялись толь чудному и нечаянному приключенїю, да притомъ и самъ Абюбекеръ не менѣе тому дивился, которой привелъ сїю Принцессу изъ Серендиба въ Астрахань, не зная, что она Зебдъ-Эль-Катона. Вскорѣ послѣ сего щастливаго открытїя, печаль и молчанїе уступили мѣсто радости и весельямъ. Царь пребезмѣрно наградилъ Абюбекера и его сына, котораго навсегда при себѣ удержалъ. Разослалъ безчисленныя суммы по всѣмъ дервишскимъ монастырямъ и по мечетямъ для возблагодаренїя великому пророку за его покровительство; но желая нетерпѣ-

терпѣливно знать, какою чрезъестественною силою супруга его ожила опять, и какимъ случаемъ встрѣтилась она Абюбекеру. Какъ скоро вошелъ во внутренніе свои покои съ своими Визирями и докторомъ, то просилъ Зебдъ-Элъ-Катону въ ихъ присудствіи удовольствовать его любопытство. Царева, любя горячо своего супруга, не медлила ни минутою удовольствованіемъ его, и начала слѣдующими словами:

ИСТОРІЯ
о *Зебдъ-Элъ-Катонѣ.*

О послѣднихъ моихъ къ Вамъ, милостивой государь, словахъ, упоминать больше нечего; они сказаны мнѣ были чрезъ великаго нашего пророка, и я не думала, чтобъ опять

когда либо соединиться намъ вмѣстѣ, видя отъ себя столь близко Азраиля; между тѣмъ я не умерла: а только лишилась на нѣсколько времени дѣйствїя всѣхъ моихъ чувствъ, которое конечно увѣрило, что я умерла: вы и сами тѣмъ обманулись, вы меня положили, какъ я послѣ свѣдала отъ Абюбекера, которой не знавъ меня, расказывалъ всѣ ваши нещастїя въ моемъ присудствїи царю Серендибскому, въ украшенной драгоцѣнными каменьями гробъ; но только предосторожность вы здѣлали, что не закрыли мнѣ лицо, и сїе то самое спасло жизнь мою.

Драгоцѣнные каменья и золото, чемъ украшенъ былъ гробъ, принудили Арабскихъ разбойниковъ нести меня до безопаснаго мѣста. Отошедъ миль съ десять отъ того мѣста,

мѣста, гдѣ они на васъ напали, начали они между собою дѣлить свою добычу; и ободравъ со всѣмъ мой гробъ, хотѣли обнажить меня, и бросить не подалеку оттуда въ небольшую глубокую рѣчку, какъ одинъ изъ Арапо̀въ хотѣвъ разпо-роть своимъ ножемъ рукавъ у моего платья, на которомъ нашитъ былъ одинъ изумрудъ, по неосторожности своей пoкололъ меня въ руку, и сей то, милостивой государь, случай избавилъ меня отъ смерти: кро̀ви изъ моей руки̇̆ столь много вышло, что сей человѣкъ чрезвычайно тому удивился, и чувствуя во мнѣ еще нѣкоторой остатокъ теплоты и весьма тихое біеніе жилъ, разсудилъ онъ, что я въ такое состояніе пришла отъ чрезвычайной слабости. Онъ о семъ приключеніи ничего товарищамъ своимъ не сказывалъ, и положивъ меня

ня къ себѣ на плеча, понесъ меня къ рѣкѣ, будтобы бросить въ воду. Между тѣмъ временемъ разбойники удалились, со всѣмъ о томъ и не думая, что онъ зналъ нѣсколько лекарскаго искусства: онъ выпустилъ изъ меня крови, сколько ему казалось надобно было для спасенія моей жизни, перевязалъ потомъ мою руку кисеею отъ своей челмы, и прыская мнѣ на лицо водою, мало помалу привелъ меня въ чувство.

Наконецъ, милостивой государь, открыла я глаза, и когда въ состояніи была разглядѣть ближайшіе около меня предметы, то не мало удивилась, увидя себя одну съ незнакомымъ человѣкомъ: какъ изъ моихъ глазъ и моего движенія примѣтилъ онъ мое удивленіе и мою печаль: не опасайся: государыня

дарыня моя, сказалъ онъ мнѣ, ваша жизнь со мною въ безопасности, и честь ваша не подвержена никакому страху, потому я въ не состоянїи на оную здомыслить, хотя бы и желанїе къ тому имѣлъ. Сїи слова страхъ мой успокоили, и спрашивая у него, какимъ случаемъ попалась я въ его рýки, услышала, государь мой, что на малой вашъ караванъ, за нѣсколько миль отъ великаго Каира, напали Арабскїе разбойники, что вы супротивлялись съ неслыханною храбростїю; но что напослѣдокъ превосходному числу вы уступили, и со всѣмъ вашимъ конвоемъ положены на мѣстѣ будучи всѣ изрублены, и окружены болѣе тритцати вашихъ непрїятелей, которые всѣ погибли отъ вашей рукѝ. Разсуди, душа моя, о моемъ отчаянїи, слыша такую горестную вѣдомость; я больше

ше не щитала васъ въ числѣ живыхъ, и желая отдать вамъ тотъ же долгъ, коимъ вы меня почтили, просила я моего Арапа проводить меня до того мѣста, гдѣ происходило сраженїе: онъ въ сей угодности мнѣ не отрекся. Я будучи чрезвычайно слаба, не могла туда дойти скоряе трехъ дней: мы разсматривали вмѣстѣ мертвыхъ; но какъ они всѣ были безобразны отъ изтекшей крови, отъ изрубленныхъ лицъ, и отъ лежанїя нѣсколько времени на воздухѣ, то не могла я подлинно узнать вашего тѣла; между тѣмъ нашла же я одно нѣсколько похожее на васъ, и которое почла за васъ самаго: я омывала его лицо моими слезами, думала признать въ ономъ нѣкоторыя дражайшїя ваши черты; и моя печаль въ то время столь была чувствительна, что я безъ

памяти

памяти упала на оное тѣло, которое обнимала любезно моими руками: Арапъ отъ онаго меня оттащилъ. Я болѣе часа была безъ чувства, но напослѣдокъ опамятовалась. Мы выкопали обломками отъ сабли большую яму, чтобъ положить туда оное тѣло, которое я опять зарыла землею, и наконецъ оставила сїе плачевное для меня мѣсто.

Не смотря на мою печаль, я столь удивлялась скромности и учтивству моего Арапа, что почти ежечасно оказывала ему за то мою благодарность. Государь мой, говорила я ему, какъ это возможно, чтобъ живучи вмѣстѣ съ разбойниками, были вы столь благородны, и столь противны ихъ поступкамъ, что кажется вы не для такого подлаго и свирѣпаго званїя

рождены

рождены, и конечно надобно думать, что какая нибудь необходимая крайность принудила васъ жить съ ними. Ахъ! государыня моя, вскричалъ Арапъ, хотя я и посредственнаго рода, однако верно никогда не надеялся быть въ сообществе съ такими злодеями: отмщенїе только одно, которое хотелъ я отплатить за безчеловечнейшую обиду, которую только вообразить можно, принудила меня пристать къ Арабскимъ разбойникамъ; но смерть моего непрїятеля не возвратила мне того, чего лишила меня неистовая его ярость. Сей человекъ не могъ промолвить последнихъ словъ безъ довольнаго пролитїя слезъ; оныя возбудили мою жалость и любопытство; я просила его пожаловать мне разказать свои нещастїя, и вотъ, милостивой государь, какимъ образомъ онъ началъ свою повесть.

По-

ПОХОЖДЕНІЕ

Арапа Абенъ-Азара.

Я, государыня моя, сынъ весьма богатаго Аденскаго брилїанщика: отецъ мой имѣлъ у себя искренняго друга, именемъ Самана, торгующаго брилїантами же; и сей другъ имѣлъ дочь четырью годами моложе меня, но превосходной красоты изъ всего Адена. Для большаго еще утвержденія своей дружбы, отецъ мой и его другъ назначили своихъ дѣтей совокупить со временемъ бракомъ; такъ что, какъ скоро пришли мы въ разумъ, то сказывали молодой Абдармонѣ, чтобъ почитать меня, какъ будущаго своего мужа; а отецъ мой мнѣ далъ знать, что ему весьма пріятно будетъ, когда я овладѣю сердцемъ сей любезной дѣвицы.

рѣдко случается, чтобъ дѣти, которыми распредѣляютъ въ толь малыхъ лѣтахъ, точно послѣдовали воли своихъ родителей; да и кажется притомъ, будто сей родъ немилосердія, преклоняетъ ихъ къ супротивленію: однако съ нами, государыня моя, со всѣмъ противное случилось; чѣмъ больше приходили мы въ возрастъ, тѣмъ больше соотвѣтствовали намѣреніямъ нашихъ отцовъ. Я просиживалъ по цѣлому дни у маленькой моей любовницы, не ища другихъ забавъ: она не находила чувствительнѣйшаго удовольствія, какъ видѣть меня при себѣ, и ежели замешкаю я хотя одною минутою въ тѣхъ часахъ, въ которые обыкновенно я къ ней прихаживалъ, то дѣлала она мнѣ толь нѣжные выговоры, что оными еще болѣе любовь моя воспламенялась. Вы меня

ня не любите такъ какъ надобно, любезной мой Абенъ-Азаръ, говорила она мнѣ нѣкогда, и я довольно вижу, что я не столь прекрасна, чтобъ вы только о мнѣ одной думали; вы часто кажетесь со мною задумчивы, между тѣмъ какъ я только о васъ одномъ сокрушаюсь: чего же не достаетъ къ совершенству нашего благополучїя? Ахъ! естьли бы я то знала, то хотя бы стоило моей жизни, что здѣлать любовника моего щастливымъ, однако кленусь вамъ, исполнила бы оное съ радостїю. Вы очень несправедливы, любезная моя Абдармона, отвѣчалъ я ей, и притомъ со всѣмъ напрасно сами себя безпокоите, зачемъ выговаривать мнѣ то, чего я не заслужилъ? Я люблю одну васъ; ваша единая любовь дѣлаетъ все мое благополучїе. Я грущу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не нахожу

хожу васъ; и естьли можетъ меня что нибудь печалитъ, то только то, что наше благополучїе еще далеко отстоитъ, и что долженъ я ждать четыре года, чтобъ быть вашимъ супругомъ.

Молодая моя любовница, продолжалъ Абенъ-Азаръ, не болѣе десяти, а я четырнатцати лѣтъ былъ, какъ происходили между нами толь нѣжные разговоры; разсудите же каковы они могли быть, когда приближались мы къ толь желаемому времени. Наконецъ, государыня моя, не думаю я, чтобъ можно было съ большею нѣжностїю любиться, какъ мы; и мы достигали почти щастливую ту минуту, которая долженствовала вѣнчать толь непорочную и вѣрную любовь, какъ вдругъ здѣлались нещастнѣйшими въ свѣтѣ любовниками.

ками. Отцы наши поссорились по нѣкоторой зависти въ торгу своемъ: одинъ смертельной непрїятель моего постарался размножить ихъ ссору многими худыми переносами: и сей бездѣльникъ своимъ лукавствомъ въ такое привелъ ихъ несогласїе, что они возъимѣли другъ къ другу непримиримую ненависть. Для начинанїя оной, уничтожили они данныя о мнѣ съ Абдармоною обязательства, потомъ наистрожайше запретили намъ другъ съ другомъ видѣться, и во вѣки не ожидать нималѣйшаго примиренїя. Сколь сей ударъ для насъ чувствителенъ былъ! Я едва было съ горести не умеръ, и могу отдать справедливость Абдармонѣ, что она отъ того занемогла столь опасно, что была въ крайнемъ отчаянїи. Я услышавъ о семъ съ превеликою горестїю, побѣжалъ къ Саману, бро-

сился къ его ногамъ, и не было такихъ униженныхъ словъ, которыхъ бы я не употребилъ, для приведенія его въ жалость: однако онъ былъ не упросимъ; я представлялъ ему скорую Абдармонову смерть, но онъ тѣмъ нимало тронутъ не былъ. Хотя къ дочери моей отцовскую горячность я имѣю, однако все мнѣ еще пріятнѣе, сказалъ онъ, видѣть ея во гробѣ, нежели въ рукахъ сына крайняго моего непріятеля: и такъ не надѣйся меня преклонить, и убирайся скоряе домой, естьли ты не хочешь, чтобъ я позабылъ остатокъ моей къ тебѣ милости. Я хотѣлъ было говорить еще, но жестокость Саманова такъ чувствительно меня тронула, что я упалъ безъ памяти у его ногъ. Однако онъ и тѣмъ нимало не подвигнулся, напротивъ того велѣлъ двумъ невольникамъ, взявъ меня

ня въ такомъ состоянїи, выбросить за ворота.

По нещастїю моему шелъ мимо той улицы отецъ мой, и услышавъ о недостойномъ со мною Самановѣ поступкѣ, крайнѣ тѣмъ огорчился, и велѣлъ перенести меня домой, гдѣ я опамятовался.

Учиненное мнѣ поруганїе было почти всѣмъ извѣстно, и моему отцу несказанно то было досадно: онъ запретилъ мнѣ подъ опасенїемъ своего гнѣва, впасть когда либо опять въ такую же погрѣшность. Но сколь мало, государыня моя, имѣлъ я намѣренїя ему повиноваться! Прекрасная Абдармона столько мой духъ плѣнила, что не могъ ея такъ скоро позабыть; напротивъ того искалъ всѣхъ случаевъ, чтобъ изустно ея увѣрить о

вѣчной моей любви; но только она такъ строго была содержана, что никоимъ образомъ не можно было мнѣ къ ней допустить. Я съ печали занемогъ, и къ большему моему нещастїю увѣдомился я по выздоровленїи своемъ, что она вышла за Илекгана, сына нашего непрїятеля. Каково мнѣ было слышать такую мучительную вѣдомость? Я произносилъ на Самана все то, что только вздумать можно было въ ярости и отчаянїи. Ахъ! вскричалъ я, прекрасная Абдармона, возможно ли, чтобъ ты здѣлалась жертвою подлѣйшаго изъ всѣхъ человѣкъ? Въ самомъ дѣлѣ, государыня моя, Илекганъ имѣлъ столь подлую осанку, грубой видъ, и неучтивыя поступки, что вообще всѣми ненавидимъ былъ; но отецъ его уговорилъ къ тому Самана лукавыми ласкательствами, и

доказавъ

доказавъ ему, что онъ не можетъ чувствительнѣе отмстить моему, какъ выдавъ Абдармону за его сына. Сей подлецъ нимало не усумнился жертвовать свою дочь своему мщенїю; и прекрасная Абдармона была жертвою ненависти нашихъ фамилїй.

Однако не безъ крайняго сопротивленїя отдали ея въ Илекгановы руки; она употребляла различныя средства для избѣжанїя того, но напослѣдокъ должно было повиноваться неупросимому отцу: только же не могли ея принудить дать свое согласїе къ такому браку, которому бы предпочла она смерть, естьли бы позволили ей изъ того выбирать. Между тѣмъ Саманъ, оставивъ званїе отца, чтобъ здѣлаться палачемъ своей дочери, поручилъ ея въ руки Илекгану. Онъ

проводилъ ея въ свой домъ, не много безпокоясь о ея къ нему отвращенiи; и думая, что довольно для него было согласiя недостойнаго Самана, чтобъ требовать отъ Абдармсны, чего жена не можетъ отказать своему мужу, нашелъ онъ въ добродѣтельной сей дѣвицѣ такое сопротивленiе, котораго никогда не могъ онъ преодолѣть ни прошенiемъ ни угрозами. Нетерпѣливой его нравъ принудилъ принести о томъ жалобы свои Саману, которой учинилъ жестокой выговоръ своей дочерѣ: но сiя великодушная особа, не преступая границъ должнаго къ своему отцу почтенiя, объявила ему, что она никогда не будетъ женою Илекгану. Нѣтъ, милостивой государь, сказала она ему, вы напрасно покушаетесь здѣлать меня невѣрною; сердце мое по долговременнымъ прi-

ятностямъ

ятностямъ привыкло любить Абенъ-Азара, въ чемъ я единственно слѣдовала вашему соизволенїю, и я въ тысячу разъ предпочту лучше сей перемѣнѣ преужаснѣйшую смерть.

Саманъ удивился такому намѣренїю, однако думалъ, что время можетъ оное истребить, и совѣтуя Илекгану поступать съ Абдармоною съ тихостїю, увѣрилъ его симъ средствомъ преодолѣть молодую храбрость.

Илекганъ съ великимъ трудомъ могъ себя воздержать, и слѣдовать сему совѣту: однакожъ вознамѣрился нѣсколько дней посмотрѣть, можетъ ли почтительное поведенїе преклонить толъ гордое сердце, а потóмъ ужѐ употребить всю свою власть, когдабъ того не удалось ему получить скромностїю.

Я съ невѣроятною радостію свѣдалъ о благородномъ сопротивленіи Абдармоны, и о принятомъ намѣреніи Илекганомъ; я получилъ отъ того нѣкоторой лучъ надежды, и всячески стараясь о опроверженіи предпріятій подлаго моего соперника, нашелъ я способъ подкупить одного изъ его невольниковъ, и подговорилъ его, чтобъ меня провести ночью въ покой моей любовницы. Онъ исполнилъ то дѣйствително. Я нарядился въ женское платье, чтобъ подать чрезъ то меньше подозрѣнія, кто бы увидѣлъ меня въ Илекгановомъ домѣ, и прошелъ такимъ образомъ въ покой любезной моей Абдармоны. Она лежала на постелѣ облокотившись на-руку, въ образѣ печалънаго человѣка. Я бросился предъ ея колѣна, и поцѣловалъ прекрасную ея руку съ такимъ великимъ

ликимъ восхищенїемъ, что ей можно было догадаться, что равномѣрная вольность дозволена только одному любовнику. Сколь чрезвычайно обрадовалась она видѣть меня, столь не меньше и испугалась, разсудя, что я былъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Илекганъ былъ повелитель. Ахъ! мой другъ, сказала она обнявъ меня, бѣгите бога ради отъ такихъ мѣстъ, гдѣ ваша жизнь крайней опасности подвержена, старайтесь, естьли возможно, вырвать меня изъ рукъ моего мучителя, и будьте увѣрены, что я претерплю лучше наилютѣйшїя мученїя, да и самую смерть, нежели нарушу мои клятвы, которыми я многократно вамъ клялась, чтобъ сердца своего кромѣ васъ никому не отдавать. Когда такъ, государыня моя, отвѣчалъ я, пойдемъ же сей часъ со мною, я избавлю васъ отъ

такого человѣка, котораго поступокъ долженъ ненавидимъ быть цѣлымъ свѣтомъ.

Подкупленной мною невольникъ сперва было моему намѣренїю попротивился, но попавшей ему въ руку брилїантъ его преклонилъ; я обѣщалъ его увести съ собою, и столько увѣрилъ его своею благодарностїю за сїю услугу, что онъ совершенно согласился. Потомъ обнялъ я Абдармону съ чрезвычайнымъ восторгомъ, и мы хотѣли было выходить изъ ея покоевъ испасаться бѣгомъ, какъ Илекганъ предсталъ нашимъ глазамъ съ обнаженною саблею и съ восмью вооруженными невольниками: я увидя ихъ столь чрезвычайно оторопѣлъ, что далъ время симъ подлецамъ меня схватить.

Абдармона ясно примѣтила по разъярившимся глазамъ нашего непрїятеля, что нѣчего было намъ отъ него ожидать нималѣйшей милости. Она не почла за нужно укрощать его гнѣвъ, и взглянувъ на него съ негодованїемъ, я не скрывала отъ тебя, варваръ, сказала она ему, пылающую мою страсть, которую я всегда имѣла къ Абенъ-Азару; онъ любезенъ, и мнѣ милъ; я показалась ему предпочтительнѣе всѣхъ въ Аденѣ дѣвицъ: онъ любилъ меня со всевозможною горячностїю, и я была его прежде, нежели несправедливая ненависть, поссорившии наши фамилїи, преклонила моего отца отдать меня тебѣ: вотъ жестокосердой, всю преступленїе, которое ты наказывать хочешь, и я сїю казнь приму отъ тебя за милость. Потомъ подавъ мнѣ руку, я до-

вольно вижу, драгой мой любовникЪ, сказала она мнѣ съ твердостїю, что мы оба теперь умираемЪ: недостойной ИлекганЪ не столь великодушенЪ, чтобЪ насЪ отдать другЪ другу: станемЪ же приготовляться безЪ ужаса кЪ переходу въ спокойную и сладкую жизнь: тамЪ веселья наши не будутЪ возмущаемы ненавистью нашихЪ родителей; мы не увидимЪ тамЪ ни ревнивыхЪ, ни жестокосердыхЪ; и какЪ мы несемЪ туда сердца горящїя пламенемЪ, то безЪ сомнѣнїя приняты тамЪ будемЪ вЪ число оныхЪ вѣрныхЪ любовниковЪ, которые не имѣютЪ инаго упражненїя, какЪ только совершенно вдаваться вЪ удовольствїе любить, и взаимно любимымЪ быть.

Сей разговорЪ столь прїятной для меня, а огорчительной для моего

моего соперника, еще болѣе поджегъ его ярость. Конечно невѣрная, сказалъ онъ Абдармонъ бросившейся въ мои руки, конечно, ты умрешь, и умрешь отъ собственной моей руки; мщенїе мое несовершенно бъ удовольствовано было, естьли бъ я препоручилъ оное другому: тогда вонзилъ онъ свою саблю въ грудь дражайшей моей любовницы, которая успѣла только на меня взглянуть, и сказать мнѣ: прости.

Ахъ! государыня моя, продолжалъ Арапъ, проливая ручьи слезъ отъ такого жалостнаго напамятованїя, что я сталъ при такомъ кровопролитномъ позорищѣ? Я былъ, такъ сказать, неподвиженъ съ удивленїя до того времени, но смерть Абдармонова скоро меня изъ онаго извлекла: я такой испустилъ ревъ,

которой перепугалъ державшихъ меня, и ярость моя столь ожесточилась, что вырвавшись изъ ихъ рукъ, бросился я на безчеловѣчнаго Илекгана. Я сшибъ его съ ногъ, и выдернувъ у него изъ за пояса кинжалъ, не смотря на удерживанїе его невольниковъ, искололъ его во многихъ мѣстахъ; но притомъ столько я былъ внѣ себя, что всѣ его раны были весьма легкїя. Меня збили, обезоружили, и ярость моего соперника умножась, видя текущую изъ себя кровь, привела его въ бѣшенство: Ахъ! супостатъ, сказалъ онъ мнѣ, не думай, чтобъ мщенїе мое довольствовалось отнятїемъ твоей жизни. Нѣтъ, нѣтъ, ты не пойдешь за Абдармсною, я предоставляю тебя къ казни гораздо мучительнѣйшей, нежели самая смерть. Потомъ велѣлъ онъ мнѣ связать руки и ноги: Ахъ! государыня

сударыня моя, продолжалъ Абенъ Азаръ обливаясь слезами, стыдъ и отчаянїе пресѣкаютъ мои слова̀, что я вамъ скажу? Жестокосердой Илекганъ зделалъ то, что я сталъ не человѣкъ, не лишивъ меня однако жизни, и наконецъ по его приказанїю отнесли меня всего въ крови̇ и безъ памяти къ воротамъ моего отца, гдѣ или изъ сожалѣнїя, или чтобъ зделать тѣмъ чувствительнѣйшую ему печаль отъ горестнаго моего состоянїя, Илекгановы невольники стучали изъ всѣхъ своихъ силъ.

Отецъ мой услыша сей стукъ, всталъ съ постели, засвѣтилъ свою лампаду, и вышелъ на улицу: какое было для него печальное позорище! Онъ разбудилъ своимъ воплемъ всѣхъ соседей: меня перенесли тотчасъ на постелю, посла-

ли за искуснымЪ лекаремЪ, который нѣкоторыми цѣлительными порошками остановилЪ тотчасЪ текущую изЪ меня кровь, и потомЪ помазавЪ мазью, я началЪ отворять глаза, и подавать нѣкоторые знаки жизни: но какЪ лишЪ скоро я совершенно опамятовался, то разсудя о печальномЪ моемЪ тогдашнемЪ состоянїи и Абдармоновой смерти, не хотѣлЪ я ея пережить: я оторвалЪ пластырь привязанной на мои раны, и казался быть вЪ такомЪ великомЪ отчаянїи, что принуждены были меня связать, чтобЪ вылечить сверьхЪ моей воли. ОтецЪ мой сЪ крайнею досадою увѣдомился, что то было дѣло Илекганово; онЪ хотѣлЪ итти кЪ нему вЪ домЪ, чтобЪ заколоть его кинжаломЪ: но я не допустилЪ его до сего намѣренїя: положите на меня милостивой государь, сказалЪ я

ему,

ему, попеченіе о моемъ мщеніи; и естьли я вамъ еще милъ, то не разглашайте о моемъ стыдѣ въ Аденѣ; я вскорѣ отмщу моему непріятелю за его жестокость. Отецъ мой сію угодность мнѣ здѣлалъ. Наконецъ, государыня моя, по прошествіи четырехъ мѣсяцовъ въ состояніи я былъ исполнить мое предпріятіе. Но должно напередъ васъ увѣдомить, что происходило въ Илекгановомъ домѣ, по учиненіи варварскаго поступка со мною, и по наказаніи зговорившагося съ нами невольника.

Сей плутъ послалъ тотчасъ по Самана, хотя ужè и очень поздо было; какъ его увѣрили, что то за весьма важнымъ дѣломъ, то онъ немедленно пришелъ къ Илекгану. Государь мой, говорилъ ему сей послѣдней, когда бъ вы были на моемъ

моемъ мѣстѣ, и естьлибъ не смотря на строгїя запрещенїя, учиненныя вашей дочерѣ, имѣть какое либо сообщество съ Абенъ-Азаромъ, вы бы застали здѣсь того и другова, зговаривающихся о вашей погибели, и не оставляя никакого сомнѣнїя о поруганїи вашей чести, то какое приняла бы тогда намѣренїе ваша любовь столь немилосердо презрѣнная? Наискорѣйшее и жесточайшее, отвѣчалъ Саманъ, въ справедливомъ моемъ гнѣвѣ закололъ бы я Абдармону и моего любовника. Я весьма радуюсь, сказалъ Илекганъ, что наши мысли столь сходны были, подите посмотрѣть, хорошо ли умѣю я мстить за безчестїе. Потомъ проводя его въ Абдармоновъ покой, показалъ ея ему плавающую въ своей крови, и увѣдомилъ его короткими словами, какимъ образомъ наказалъ онъ меня за мою любовь.

Саманъ

Саманъ вострепеталъ отъ ужаса, видя дочь свою мертвую; то, что онъ говорилъ, было, лучше сказать, дѣйствїе пребывающей между нашими фамилїями ненависти, нежели истинныя его мысли. Между тѣмъ какъ осудилъ онъ насъ самъ, то не могъ отъ своего приговора отпереться; и сїе еще наиболѣе его возбудило противъ насъ, и вознамѣрясь погубить насъ при удобномъ случаѣ въ конецъ, для успѣха въ томъ сдружился онъ съ Илекганомъ, и его отцомъ больше прежняго.

Какъ подлой Саманъ нималѣйше не разглашалъ о Абдармоновой, смерти то ясно я догадатся могъ, что имѣлъ онъ какое либо злое намѣренїе. Я выѣхалъ изъ Адена, и приставъ къ шайкѣ бедуанцовъ (разбойники) разъѣжжающихъ въ околичностяхъ

личностяхъ сего города, просилъ ихъ принять меня къ себѣ въ товарищи. Посредствомъ одного вѣрнаго невольника извѣстны мнѣ были всѣ поступки моихъ непрїятелей. Я увѣдомился въ одинъ день, что они всѣ трое выѣхали изъ Адена, для препровожденїя нѣсколькихъ дней въ загородномъ домѣ, принадлежащемъ Саману. Какъ я бывалъ въономъ весьма часто, и зная совершенно всѣ мѣста̀, откуда бы на оной напасть можно было, то предложилъ бедуанскому атаману достать ему добычи въ одну ночь болѣе ста тысячь чекиновъ, только бы онъ мнѣ далъ довольное число людей, и позволилъ бы мнѣ совершенно отмстить тремъ моимъ жесточайшимъ въ свѣтѣ непрїятелямъ.

Предложенїе мое принято было съ радостїю: я выбралъ двадцать

человѣкъ

человѣкъ самыхъ храбрѣйшихъ, растолковалъ имъ мое намѣренїе, и прїѣхавъ съ ними подъ вечеръ къ загородному Саманову дому, ввелъ ихъ до самаго зала, гдѣ онъ сидѣлъ за столомъ съ Илекганомъ и его отцомъ, захвативъ только нѣсколько невольниковъ, которые своимъ крикомъ моглибъ опровергнуть наши предпрїятїя. Я такъ искусно былъ переодѣтъ, что меня никоимъ образомъ узнать было не можно. Моихъ непрїятелей схватили, уперли къ горлу кинжалами, и грозили ихъ заколоть, естьли не дадутъ они каждой отъ себя по цыдулкѣ, чтобъ привести изъ ихъ дому скрынку, въ которой заперты были всѣ ихъ брилїанты. Они принуждены были оное исполнить, думая чрезъ то спасти животъ свой; я тотчасъ ихъ цыдулки подхватилъ, и потомъ приказавъ имъ

связать

связать руки и ноги, и заткнуть ротъ, велѣлъ ихъ гнать палками, также и невольниковъ ихъ до маленькаго лѣску, гдѣ намѣрены мы были оную ночь пристать. Потомъ отдалъ я ихъ цыдулки нашему атаману. Онъ хотѣлъ оныя отвезти самъ, нарядился съ тремя Арапами и поѣхалъ на разсвѣтѣ дня въ Аденъ, гдѣ прикащики Самановы и Илекганова отца (потому что сей послѣдней и его сынъ такъ же переторговывали брилїантами) безъ всякаго затрудненїя отдали имъ въ руки брилїанты своихъ хозяевъ, отъ которыхъ имѣли толь точныя повелѣнїя. Напослѣдокъ расказалъ я нашему атаману всю мою исторїю, Саманово жестокосердїе и безчеловѣчной со мною поступокъ Илекгана; мсти какъ хочешь, сказалъ онъ мнѣ, я отдаю въ твои руки сихъ злодѣевъ; а когда ты

столько

столько великодушенъ будешь, чтобъ имъ простить, то я самъ здѣлаюсь ихъ да и твоимъ палачемъ. Я тотчасъ освободилъ невольниковъ, чтобъ они меня не узнали, и скинувъ съ себя платье, въ которомъ меня признать не можно было, я вскорѣ послѣ того показался моимъ непрїятелямъ: они увидя меня, воструепетали, и просили у меня о своемъ животѣ со слезами, которыя начали было меня приводить въ жалость: но вообразивъ себѣ всю ихъ безчеловѣчность, выговаривалъ оную имъ съ яростїю, и заколовъ своею рукою Самана и Иленганова отца; не было такого рода мученїя, котораго бы я не употребилъ надъ подлымъ моимъ и жестокосердымъ соперникомъ, прежде нежели его умертвить. Я еще и теперь вспомнивъ то, ужасаюсь. но чего, государыня моя, не въ состоянїи здѣлать

лашь столь жестоко обиженной человѣкъ, какъ я былъ. Отмстивъ такимъ образомъ моимъ злодѣямъ, я не имѣлъ больше намѣренія слѣдовать за бедуанцами: но только спасно быть въ сообществѣ съ людьми такого званія: не можно отъ нихъ отстать тогда, когда захочется. Покража брилїантовъ принесла мнѣ славу: оная произведена была съ толикимъ брагоразумїемъ, что нашъ атаманъ имѣлъ ко мнѣ совершенную довѣренность Не только чтобъ меня отпустить отъ себя, онъ ничего больше не хотѣлъ предпринимать безъ моего совѣта, и я принужденъ былъ сверьхъ моей воли остаться при немъ болѣе двухъ мѣсяцовъ до вчерашняго дня, какъ онъ убитъ былъ рукою вашего супруга. Какъ сїя побѣда стоила намъ дорого, урономъ болѣе осьми сотъ Арановъ, и какъ силы наши

гораздо

гораздо уменьшились, то не разсудили за благо дѣлить добычу на мѣстѣ баталіи, опасаясь нечаяннаго нападенія. Мы всѣ разграбленныя вещи положили на себя: мнѣ поручили вашъ гробъ, по причинѣ вставленныхъ въ оной многихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и мы начали ужѐ свой дуванъ около того мѣ́ста, гдѣ, подъ видомъ бросить васъ въ рѣку, которая въ иныхъ мѣстахъ очень глубока, отдалился я отъ бедуанцовъ. Смущеніе и безпорядокъ, происходившей между сихъ злодѣевъ, не допустилъ ихъ примѣтить моего отсудствія: я намѣренъ, государыня моя, симъ случаемъ пользоваться, и старатся добрыми безчисленными дѣлами исходатайствовать у неба отпущеніе моихъ беззаконій: а притомъ непрестанно буду раскаиваться въ

крайней моей противъ непрїятелей моихъ жестокости.

Вотъ, государыня моя, обстоятельная и плачевная повѣсть моихъ нещастїй: разсудите теперь, естьли вы не можете безопасно положиться на мое поведенїе, когда я готовъ слѣдовать за вами всюду, куда вы итти ни пожелаете.

ПРОДОЛЖЕНIЕ ИСТОРIИ
о *Зебдъ-Эль-Катонѣ.*

Я слушала Арапа Абенъ-Азара съ великимъ соболѣзнованїемъ, продолжала прекрасная Царева Астраханская: какъ я, милостивой государь, не могла имѣть себѣ надежнѣйшаго товарища, то услуги его приняла, и мы пошли въ Аденъ по мало проѣжжимъ дорогамъ. Онъ

опа-

опасался, чтобъ не возъимѣли на него подозрѣнія въ убійствѣ своихъ непріятелей: того ради вступили въ оной ужѐ подъ вечеръ, и пришли прямо къ дому его отца, которому онъ расказалъ ужасное свое надъ непріятелями отмщеніе, и какимъ случаемъ нашелъ онъ меня. Сей простодушной человѣкъ столько обрадовался, увидя своего сына, о которомъ никакой вѣсти не получалъ чрезъ долгое время, что едва было съ радости не умеръ. Я принята отъ него была со всякою учтивостію, и какъ для него нужно было изъискать основательную причину отсудствія своего сына, то разгласилъ вездѣ, что онъ пріѣхалъ изъ го́рода Свакема, гдѣ на мнѣ женился. Не многіе достовѣрно знали о нещастіи Абенъ-Азара, выключая лекаря: но сей умеръ вскорѣ послѣ его излеченія, а Илек-

ганъ не хвастался своимъ мщенїемъ. Какъ мнѣ нѣчего было опасаться подтверждать сплетенную сїю ложь, то почитали меня въ Аденѣ женою сего молодаго человѣка, и я жилà съ нимъ около трехъ лѣтъ. Я просила его утаить о моемъ качествѣ отъ своего отца, и сказать ему, что будто я была жена одного Татарина, которой возвращаясь изъ Мекки, умерщвленъ былъ Бедуанцами: онъ слово свое здержалъ, но только сїя предосторожность чрезвычайно мнѣ здѣлалась прискорбною.

Абенъ-Азаровъ отецъ былъ старикъ гораздо еще въ силахъ; я дѣлала ему всевозможныя угожденїя: и по видимому, вздумалось ему ничѣмъ лучше за оныя мнѣ не отплатить, какъ своею любовїю. Мнѣ кажется, онъ немалое время самъ

съ собою боролся, прежде нежели мнѣ объявить оную; но напослѣдокъ утвердясь въ своихъ намѣренїяхъ, не хотѣлъ онъ долѣе оставить меня въ невѣденїи о склонности своего ко мнѣ сердца. Хотя въ своихъ желанїяхъ былъ онъ и скоропостиженъ, однако принялъ онъ въ томъ нѣкоторыя предосторожности, и объявилъ мнѣ весьма страннымъ образомъ. Въ Аденѣ почитаютъ васъ женою моего сына, говорилъ онъ мнѣ въ одинъ день, но сколько, государыня моя, похваляютъ его съ одной стороны въ хорошемъ избранїи вашей особы, столько съ другой сожалѣютъ о вашемъ неплодствѣ, и я боюсь, чтобъ открывши нашъ обманъ, не доказали на него въ убїйствѣ Илекгана и другихъ его двоихъ непрїятелей: древнюю нашу ссору возбуждаютъ; говорятъ о жестокомъ мщенїи, учи-

ненномъ надъ Абенъ-Азаромъ: дошли до моихъ ушей нѣкоторые слухи, кои могутъ подать поводъ завидливымъ почитать моего сына виноватымъ; я не могу имѣть покоя въ толь важномъ обстоятельствѣ, и только лишъ вы одни, государыня моя, можете прекратить такія рѣчи. Я? отвѣчала ему съ великимъ удивленіемъ. Мнѣ все до васъ касающееся столь чувствительно, что я ни въ чемъ вамъ отказать не могу: говорите, государь мой, объявите мнѣ, какъ должно въономъ поступить для приведенія васъ въ спокойствіе; вы увидите, что я трудиться буду въ томъ съ радостію. Когда такъ, государыня моя, отвѣчалъ влюбившейся старикъ, то вотъ одно только къ тому средство. Когда мой сынъ не въ состояніи удержать злыхъ языковъ, то почитаю за нужно

жно я въ томъ помо́чь, и надѣюсь, что я еще въ силахъ разрѣшить неплодство, о которомъ говорятъ во всемъ Аденѣ: здѣлайся, государыня моя, моимъ посредствомъ матерью, и вотъ всѣ предпрїятїя нашихъ враговъ опровержены будутъ: они почитать будутъ родныхъ моихъ дѣтей за моихъ внуковъ, и не разсуждая болѣе о такомъ дѣлѣ, которое наводитъ мнѣ крайнее безпокойство, Абенъ-Азарова жизнь будетъ въ безопасности.

Я, милостивой государь, продолжала Зебдъ-Эль-Катона, чрезвычайно удивилась старикову предложенїю, и многократно вознамѣривалась объявить ему о себѣ, но опасаясь, чтобъ не почелъ онъ того за пустую лишъ только отговорку, вздумала оное обратить въ шутку: онъ тѣмъ огорчился, мы съ нимъ по-

здорили, но напослѣдокъ помирившись, частыми своими и неотступными докуками въ такое привелъ онъ меня безпокойство, что я всего опасалась отъ его сумозбродства. Я открыла о томъ Абенъ-Азару, которой вдругъ принявъ намѣренїе достойное честнаго человѣка, предложилъ мнѣ уѣхать съ нимъ вмѣстѣ на одномъ суднѣ, отправляющемся наутро въ Ормусъ. Я согласилась на оное съ чрезвычайною радостїю: онъ запасся драгоцѣнными каменьями, и сѣвши на корабль вмѣстѣ отъѣхали ужѐ далеко отъ прїстани, прежде нежели сей смѣшной любовникъ подумалъ только о нашемъ побѣгѣ.

Вотъ, милостивой государь, очутилась я вдругъ съ Абенъ-Азаромъ на-морѣ, въ намѣренїи, прїѣхавши въ Ормусъ, отправиться

въ

въ Астрахань. Вѣтры намъ были благополучные, и мы надѣялись вскорѣ туда прибыть, какъ вдругъ поднялась преужасная буря, которая, бивши наше судно чрезъ семнатцать дней не переставаючи, разбило оное на мѣлкіе куски объ одну каменную гору, которая казалась быть не далеко отъ матерой земли. Почти ни одинъ изъ насъ не погибъ въ семъ кораблекрушеніи; корабельные остатки, за которые мы ухватились, принесли насъ къ берегу; но въ какую же пришли мы всѣ печаль, увѣдомясь отъ нашего кормщика, что мы находились на пустомъ острову, на которой царь Серендибской ссылалъ обыкновенно своихъ подданныхъ, приговоренныхъ къ смерти, что къ сему острову пріѣжжало судно одинъ только въ году разъ, а случается, что за не неимѣніемъ осужденныхъ

и чрезъ нѣсколько лѣтъ, ни одно не прїѣжжаетъ.

Сїя печальная вѣдомость чрезвычайно насъ оскорбила; мы обѣгали островъ вокругъ, нашли тамъ нѣсколько развалившихся хижинъ, но жителей ни единаго человѣка. Мы жили около мѣсяца съ великою бережливостїю нѣкоторымъ провїантомъ, выбросившимся изъ мо́ря съ собственнаго нашего судна, а пото́мъ принуждены были питаться весьма непрїятными вкусу плодами. Напослѣдокъ, милостивой государь, наибольшая часть нашихъ товарищей померли ужѐ съ голоду, какъ увидѣли мы и́здали судно, которое, казалось, шло прямо къ нашему острову: мы въ томъ не обманулись; оное было съ Серендибскими ссылочными. Тому ужѐ прошло болѣе трехъ лѣтъ, что

туда

туда никого не привозили, какъ мы о томъ провѣдали послѣ, и ежели бы прїѣздъ сего судна замедлилъ еще нѣсколько дней, то бы мы всѣ жалостно погибли.

Осужденныхъ высадили на-берегъ, ихъ было только пятеро; оставили имъ нѣсколько провїанта, и тотъ, которой управлялъ судно, посадивъ насъ съ собою, поѣхали мы къ Серендибу.

Насъ живыхъ осталось только девятеро: Абенъ Азаръ былъ въ томже числѣ, и я прїѣхала съ нимъ въ Серендибъ. Я не буду, милостивой государь, пространно описывать богатства и великолѣпїя царствующаго тамъ монарха, довольно сказать, что онъ наисильнѣйшїй и справедливѣйшїй изъ всѣхъ царей земскихъ, и что онъ мило-

 стїю

стїю своею принялЪ насЪ со всякою отличностїю. Претерпѣнное мною вЪ островѣ ссылочныхЪ, и безпокойствїя отЪ морской ѣзды совсѣмЪ лицо мое перемѣнило. Между тѣмЪ сей государь примѣтилЪ во мнѣ нѣкоторую красоту, и приказалЪ содержать меня во всякомЪ довольствїи; покой и хорошая пища скоро привели меня вЪ прежнее мое состоянїе, и привлекли на меня его взоры.

Я жила̀ вмѣстѣ сЪ АбенЪ-АзаромЪ, которой и тутЪ почитался моимЪ мужемЪ, во внутреннихЪ покояхЪ сего государя. ОнЪ ежеминутно оказывалЪ мнѣ новые знаки своего желанїя, чтобЪ мнѣ понравиться: только его старанїя такЪ почтительны были, что я оными ни мало не тревожилась. Между тѣмЪ страсть его ежечасно умно-

умножалась, и вскорѣ толь здѣлалась жестокою, что вознамѣрился онъ, безъ поврежденія однако своего праводушія, всякія употреблять способы для разорванія брака, котораго тѣсной союзъ дѣлалъ его чрезвычайно ревнивымъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ Абенъ-Азара, и принявъ наиделикатнѣйшія предосторожности для объявленія ему о своей любви; онъ обѣщалъ ему дать безчисленныя богатства, и дватцать другихъ женщинъ на выборъ изъ своего сераля, естьли согласится онъ со мною развестись, и преклонить меня къ соотвѣтствованію его страсти.

Абенъ Азаръ, милостивой государь, зная основательно тайну моего сердца, и вѣдая довольно, что я не весьма уважу толь щедрыя царскія милости, пришелъ въ

изумленїе, слыша такое предложенїе: всемилостивѣйшїй государь, сказалъ онъ ему, естьли бы требованїе Вашего Величества совершенно зависѣло отъ меня, то могу увѣрить, чтобъ я всячески старался преодолѣть себя для удовольствованїя вашего: но женившись на прекрасной Фатмеѣ, симъ именемъ называлась я въ Аденѣ и Серендибѣ, обязался я преужасными клятвами, чтобъ не разводиться съ нею, развѣ только съ ея согласїя. Преклоняйте ея, чтобъ она на то согласилась; я вамъ съ моей стороны̀ кленусь, что сколько бы мнѣ ни горько было лишиться толь достойной жены̀, однако намѣренїямъ ея противорѣчить не буду, и тотчасъ уступлю ея вамъ: но только надобно прїуготовить ея къ сему предложенїю всякими снисхожденїями и угодностями, которыя вздумать

можетъ

можетъ любовь наша: въ противномъ же случаѣ, конечно она ужаснется, вообразивъ себѣ разлученїе, которое, какъ она меня стократно увѣряла, всю ея жизнь нещастливою здѣлать можетъ.

Не можно было отвѣтствовать царю Серендибскому съ большимъ благоразумїемъ. Сей влюбившейся монархъ обнималъ тысячекратно Абенъ-Азара, и наградилъ его своими благодѣянїями.

Я скоро увѣдомилась о намѣренїяхъ царя Серендибскаго: сколь я отвращенїя ни имѣла льстить любви, для угожденїя которой не намѣрена я была учинить ничего противнаго горячности, вкорененной въ моемъ сердцѣ къ Вашему Величеству: однако Абенъ Азаръ подтвердилъ сей обманъ толь основательными

теныльми доказательствами, что я принуждена была притворяться, и имѣть нѣкоторое къ сему государю уваженіе. Лишь только онъ примѣтилъ нѣсколько, по его мнѣнію, склонности къ нему моего сердца, то тотчасъ изъявилъ радостные о томъ знаки многими великолѣпными и торжественными пиршествами. Абенъ Азаръ самъ, не считая также какъ и я, болѣе васъ, милостивой государь, въ живыхъ, совѣтовалъ мнѣ отъ искренности соотвѣтствовать царской любви, и принять Серендибской престолъ: но я осмѣливаюсь Ваше Величество увѣрить, и слѣдствіе моего похожденія ясно то доказываетъ, что я ни мало не намѣрена была слушать сего предложенія, сколь бы оно для меня славно ни было. Наконецъ сей монархъ, не осмѣливаясь чрезъ цѣлые три мѣсяца учинить мнѣ

ника-

никакого точнаго объявленія, началъ имѣть толь великую надежду любимымъ быть и получить съ моей стороны согласіе къ разводу, что вознамѣрился вскорѣ представить мнѣ свою руку вмѣстѣ съ своимъ престоломъ, какъ Абюбекеровъ въ Серендибъ пріѣздъ опровергнулъ всѣ его предпріятія.

Теперь надлежитъ, милостивой государь, сему вѣрному подданному раскazывать остатокъ моей исторіи: а я вамъ только скажу, что я съ радости была внѣ себя, когда услышала отъ него, что вы были еще живы, и что почитала тогда за нужное увѣдомить царя Серендибскаго о моемъ званіи, и о Абенъ-Азаровомъ обманѣ. Сколь влюбленъ сей монархъ ни былъ, однако выслушавъ съ крайнимъ удивленіемъ ваши и мои похожденія,

нія, уступилъ онъ великодушно владѣніе се́рдца, которое не могло быть его, и поспѣшествовалъ мнѣ во всемъ, что зависѣло отъ его щедрости, для возвратнаго моего пути въ Астрахань. Я взяла одно только судно для отвоза меня въ Ормусъ, и плаваніе наше было благополучное. Пото́мъ переѣхала я всю Персію, въ препровожденіи одного только вѣрнаго Абенъ-Азара, котораго вы видите здѣсь, и Абюбекера, которой не зналъ, кто я была такова̀; и я имѣла, милостивой государь, утѣшеніе, возвратить вамъ зрѣніе, и представить вамъ супругу, которая донынѣ и впредь навсегда единственнымъ своимъ благополучіемъ почитать будетъ искреннѣ любимою быть отъ Вашего Величества.

Астраханской царь не могъ воздержаться отъ слезъ, слыша новыя

обна-

обнадеживанія о горячности Зебдь-Эль-Катоны. Онъ тысячекратно увѣрялъ ея о вѣчной любви, потомъ оборотясь къ Абюбекеру, приказалъ ему расказывать свое похожденіе. Сколь нетерпѣливно я ни желаю, сказалъ онъ ему, любезной мой другъ, знать окончаніе похожденія прекрасной моей царевы: однако, пожалуй, не пропускай ни малѣйшаго обстоятельства, случившагося съ тобою во время толь долговременной поѣздки. Я не сомнѣваюсь, чтобъ не приключилось съ тобою чего либо весма страннаго, и что бы то ни было, я готовъ слушать тебя со всякимъ удовольствіемъ.

Абюбекеръ отвѣтствовалъ царю поклономъ своимъ до земли, которой сказывалъ его повиновеніе. Потомъ сѣвъ опять на свое мѣсто, нижеслѣдующимъ образомъ началъ онъ

онъ расказывать о своихъ приключенїяхъ съ отъѣзда его изъ Астрахани.

ПОХОЖДЕНIЕ
Доктора Абюбекера.

Вашему Величеству не безъизвѣстно, что насмѣшка Астраханскихъ докторовъ, по причинѣ Серендибской птицы, наиболѣе меня побудили предпрїять сїю поѣздку: но я признаюсь чистосердечно, что я скоро раскаялся въ легковѣрїи своемъ Арапскому писанїю. Я оное читалъ въ самыхъ молодыхъ моихъ лѣтахъ, и неосновательно о томъ помня, я не весьма увѣренъ былъ, чтобъ помянутая птица была въ Серендибѣ; того ради вознамѣрился до воспрїятїя пути въ сей островъ, посовѣтовать напередъ съ

какимъ

какимъ либо изъ славныхъ Философовъ, живущихъ на маленькой горѣ, стоящей посреди Индіи. Въ семъ намѣреніи поѣхалъ я отъ Астрахани, и переплывъ Каспійское море, прибылъ я въ Дербентъ. Тщетно искалъ я нужной для меня женщины, чтобъ возвратить Вашему Величеству зрѣніе, и какъ тамъ, такъ и во всей Персіи такой найти не можно было. Я проѣхалъ въ Таврисъ, изъ Тавриса въ Испагань, а оттуда въ Ширазъ, гдѣ нѣсколько времени я пожилъ: но осмѣлюсь ли я расказать Вамъ, милостивой государь, что случилось со мною въ семъ городѣ? Да для чево же нѣтъ; я позабавлю Ваше Величество моими шалостями, когда вы сами именно мнѣ повелѣть соизволили нималѣйшаго обстоятельства не умалчивать. Я слыхалъ о дочери Ширазскаго Кадія, что она

была

была дѣвица красоты пресовершенной. Видывалъ ея часто прохаживающуюся мимо моихъ воро́тъ: и хотя лицо ея покрыто было весьма толстымъ большимъ покрываломъ, однако я столь прелестною воображалъ ея въ умѣ своемъ, что лишился отъ того пищи и питья: но какъ одинъ разъ подняло вѣтромъ покрывало, утаивающее толикія совершенства, то я столько оными ослѣпился, что вознамѣрился употребить всѣ средства быть любиму отъ толь совершенной особы. Я не помышлялъ, что мнѣ было около пятидесяти годковъ, и что не такія ужѐ имѣлъ лѣта, чтобъ возбудить сильныя страсти въ молодомъ сердцѣ. Глупая моя любовь все то привела у меня въ забвеніе. Я открылъ горячность мою къ Шагаріарѣ, такъ называлась прекрасная сія дѣвица, одной

ной старушкѣ, живущей въ сосѣдствѣ Кадїя, и которая вхожа была въ его домъ, и обѣщая ей великое награжденїе, когда она склонить можетъ ко мнѣ въ любовь Шагарїарино сердце, начала она стараться въ мою пользу отъ всего своего усердїя, и представляя мнѣ мою любовницу то немилосердою и жестокою, то склонною и зговорчивою, смотря по тому, какъ полезнѣе было ея карману; увѣрила меня напослѣдокъ, что сїя прелестная красавица согласилась склониться на всѣ мои желанїя. Я за сїю вѣдомость заплатилъ весьма дорого; прїуготовлялся итти въ назначенное мнѣ мѣсто, одѣлся, какъ можно было, почище, и не пропустилъ опредѣленнаго часа. Старуха ввела меня въ Кадїевъ домъ: и одна молодая невольница проводивъ меня по узинькой лѣстницѣ

стницѣ на самое верхнее жило, заперла въ кабинетъ, гдѣ не долго былъ я во ожиданіи предмета моихъ желаній. Увидя сію красоту, съ превеликимъ восторгомъ бросился къ ея колѣнамъ, и облобызалъ оныя, не смотря на ея сопротивленіе, не въ силахъ промолвить ни единаго слова, какъ Кади, отецъ ея вошелъ въ оной кабинетъ. Я въ то время чрезвычайно испужался, Шахаріера, усмотря въ глазахъ его неутолимой гнѣвъ, упала въ обморокъ, и Кади, приказавъ ея отнести въ свой покой, оставилъ меня одного жертвою своей ярости. Сперьва было, казалось, намѣреніе онъ имѣлъ, немедленно меня умертвить, но оное отмѣнивъ, велѣлъ связать мнѣ рýки и нóги; и хотя показать всенародно примѣръ моей дерзости, покинулъ онъ меня до утра за карауломъ двухъ черныхъ невольниковъ.

Я

Я не могу довольно изъяснить, милостивой государь, продолжалъ Абюбекеръ, мою печаль и смущенїе. Я безъ сомнѣнїя видѣлъ осужденнаго себя на смерть; однако сожалѣлъ о своей жизни только въ разсужденїи Вашего Величества, и непрестанно угрызаемъ былъ совѣстїю, что я одинъ тому причиною, что можетъ быть, и вѣчно ваши злополучїя не окончатся. Я примѣтилъ въ моихъ караульныхъ сожалѣнїе о моей печалѣ, и обѣщалъ имъ все то, что зависѣло отъ меня, естьли они дадутъ мнѣ способъ уйти. Сперьва продолженїя моего и слушать они не хотѣли; но одинъ изъ нихъ будучи жалостливѣе другова, напослѣдокъ своего товарища къ тому уговорилъ: осталось только знать, какимъ бы образомъ мнѣ убѣжать. Въ семъ кабинетѣ было весьма узенькое окошечко на улицу; они предложили мнѣ спуститься изъ онаго по веревкамъ, которыми я былъ связанъ. Я съ радостїю на то со-

гласился; меня развязали, и я на́чалъ было производить въ дѣйство наше предпріятіе; но по нещастію окошко столь было узко, что по необходимости принужденъ я былъ до́-нога раздѣться; я остался въ одной только рубашкѣ, и мои караульные, обѣщавъ мнѣ выбросить мое платье на улицу, съ превеликимъ трудомъ я вылезъ, и на́чалъ спускаться въ низъ по веревкѣ, которая по моему горю была очень коротка, а въ темнотѣ не можно мнѣ было разглядѣть, далеко ли еще до земли̂ оставалось: но какъ для избѣжанія Кадіева гнѣва, ничего инаго дѣлать мнѣ не оставалось, то вздумалъ я, чтобъ со мною ни приключилось, броситься въ низъ. Я намѣреніе мое исполнилъ; но Ваше Величество, изволите сами разсудить о моемъ удивленіи, когда я почувствовалъ опутаннаго себя въ сѣти, которая нарочно подставлена была для меня, и когда услышалъ громкое хохотанье моихъ караульныхъ. Ахъ, милостивой госу-

государь, сколь я грустилъ и бѣсился, узная въ тотъ часъ, что я обманутъ Шагаріарою, и что она столь немилосердо мстила за всю мою къ ней любовь. Мнѣ приходило въ голову претысячу печальныхъ мыслей, и старанія мои были безполезны, чтобъ разодрать сію сѣть; она была чрезвычайно плотна. Я препроводилъ въ семъ горестномъ состояніи цѣлую ночь, которая была очень холодна, и на другой день къ крайнему моему стыду, весь городъ збѣжался видѣть толь смѣшное позорище. Наконецъ Кади прекратилъ сію насмѣшку передъ вечеромъ: сѣть сняли, меня изъ оной вынули, и я получилъ по его приказанію пятьдесятъ изрядныхъ палочныхъ ударовъ: потомъ отдали мнѣ мое платье, и отпустили меня ночью домой. Я пришелъ туда въ крайнемъ огорченіи, не сказывая ничего моему хозяину о своемъ отсудствіи: онъ былъ изъ первыхъ свидѣтелей моего стыда; но по моему

щастїю меня не узналъ и имѣлъ прискорбность слушать еще отъ него все обстоятельство моего приключенїя, будучи притомъ принужденъ вмѣстѣ съ нимъ тому смѣяться, чтобъ не подать ему причины думать, что я самъ былъ въ ономъ главное дѣйствующее лицо.

Ваше Величество можете теперь вѣрить, что я скоро излечился отъ моей любви, и что послѣ такой неудачи недолго я остался въ Ширазѣ: я выѣхалъ изъ онаго на другой день; прїѣхалъ въ Ормусъ, и сѣвши на первое отправляющееся въ Индїю судно, пристали мы къ острову Диву. Я и тамъ еще не могъ найти того, чего искалъ; переѣхалъ нѣкоторую часть Индїи, и прибылъ наконецъ къ жилищу мудрецовъ, или Индѣйскихъ гимнософистовъ. Они живутъ на маленькой превысокой горѣ, почти посреди самой одной долины, и окруженной, на подобїе крѣпкой городовой стѣны, каменною горою. Сїе мѣсто

обыкновенно бываетъ покрыто вокругъ густымъ туманомъ, которой дѣлаетъ ихъ видимыми или невидимыми, какъ то они похотятъ сами: но конечно намѣренїямъ моимъ противны они не были, потому что я дошелъ до нихъ, и видѣлъ тамъ толь рѣдкїя диковины, называемыя колодезь погрѣшности, источникъ отпущенїя, бочки толь полезныя Индїи, изъ которыхъ выходятъ дожди и вѣтры и священной огонь, которой, какъ хвастаютъ они, возженъ безпосредственно солнечными лучами.

Ахъ! милостивой государь, сколь доволенъ я былъ моею поѣздкою, ибо Индѣйскїе мудрецы сказали мнѣ, что я не только найду въ Серендибѣ птицу, упоминаемую въ Арапскомъ писанїи, но еще и одного человѣка сыщу, которой предопредѣленъ былъ для возвращенїя вамъ зрѣнїя.

Я поѣхалъ отъ сего мѣста съ несомнѣнною надеждою на обѣща-

нія мудрецовъ Индѣйскихъ, миновалъ многіе города̀ безъ всякаго приключенія; но проѣжжая чрезъ весьма густой лѣсъ, напали на меня восемь человѣкъ разбойниковъ, которые, отнявъ у меня мою лошадь, и все то, что ни было, совѣтовали между собою зарѣзать ли меня. Нѣкоторые соглашались на сіе мнѣніе, а другіе еще безчеловѣчнѣйшіе тому противились. Одинъ изъ нихъ, имѣя подъ собою весьма худую лошадь, мою взялъ себѣ, а у своей, разпоровъ брюхо саблею, выпотрошилъ ея, меня раздѣлъ до̀нога, связалъ мнѣ ру́ки и но́ги, и посадивъ меня въ брюхо сей стервы, загладивъ кожу такъ, какбы она была зашита, и оставя сіе мѣсто съ своими товарищами, уморили бы они меня неслыханною еще до того смертію.

Я почти задохся, и безъ сомнѣнія бы испустилъ послѣднее издыханіе, естьли бъ нѣкоторые про-

ѣжжающіе

ѣжжающїе мимо того мѣста, гдѣ я лежалъ, не услышали моего стона: они искали меня долго, но одинъ изъ нихъ, подошедъ къ лошади, и примѣтя, что оной стонъ происходилъ изъ брюха сего падалища, тотчасъ бросился прочь. Товарищи его были посмѣляе; они оборотили лошадь, и разодравъ кожу, вынули меня оттуда съ крайнимъ удивленїемъ. Я былъ полумертвой, но лишъ только почувствовалъ воздухъ, то началъ оказывать знаки жизни. Потомъ мало помалу очнувшись, разсказалъ я симъ человѣколюбнымъ прохожимъ жестокость моихъ разбойниковъ, которые слушали то съ превеликимъ ужасомъ. Я вымылся въ первомъ ручьѣ; одинъ изъ нихъ далъ мнѣ худой кафтанишка, и какъ они шли тоюже дорогою, по которой надлежало и мнѣ слѣдовать, то дозволили они итти вмѣстѣ. Я пришелъ съ ними въ городъ Жин-

жи: мы стали на постоялой дворѣ, и я несказанно удивился, увидя тамъ мою лошадь, и признавъ моихъ разбойниковъ. Я сказалъ о темъ моимъ товарищамъ: они почитали сiю находку весьма щастливою, и нѣкоторые изъ нихъ, возвѣстивъ о семъ тамошнему губернатору, привели его туда, и взяли подъ караулъ тѣхъ злодѣевъ. Они повинились въ послѣднемъ своемъ преступленiи, и въ премножествѣ другихъ: мнѣ отдали назадъ все у меня сграбленное, и они наказаны были на другой день достойными казнями ихъ жестокости.

Какъ расказывая мои похожденiя тѣмъ прохожимъ, которые вынули меня изъ лошадинаго брюха, между прочимъ упомянулъ, что я былъ докторъ, и что намѣренiе мое было ѣхать въ Серендибъ искать лекарства для возвращенiя зрѣнiя Вашему Величеству: то они весьма выхвалили мое искусство Жин-

жиско-

жискому губернатору, и мнѣ удалось оное доказать очень смѣшнымъ образомъ надъ однимъ его сыномъ; только я не знаю, милостивой государь, могу ли я оное вамъ расказать съ довольною нѣжностїю.

Сарама, такъ назывался сей губернаторъ, увидя меня, крайнѣ обрадовался: мнѣ сказывали, говорилъ онъ, что вы преискуснѣйшей докторъ, и я не могу въ томъ сомнѣваться, когда царь Астраханской послалъ васъ столь далеко для сысканїя себѣ потребнаго лекарства. У меня одинъ сынъ, дней тому восемь назадъ, здѣлался ипохондрикомъ и ни одинъ изъ нашихъ докторовъ не могъ его излечить отъ такого дурачества: да и правду сказать, что оно совсѣмъ еще неслыханное и весьма странное: ему вообразилось, что отъ него потоплено нѣкогда будетъ все царство Баснагарское: ничто не могло истребить изъ его головы се-

го воображенія, и на семъ основаніи удерживаетъ онъ естественную свою воду съ такимъ непреодолимымъ упрямствомъ, что онъ безъ сомнѣнія скоро умереть можетъ, естьли не найдутъ средства для приведенія его ума въ прежнее состояніе. Это, милостивой государь, отвѣчалъ я, не весьма удобно здѣлать можно, болѣзни разума гораздо трудняе лечить, нежели тѣлесныя: но я надежно могу васъ увѣрить, что найду къ тому способъ прежде четырехъ часовъ. Сарама глядѣлъ на меня съ удивленіемъ: велѣлъ тотчасъ проводить меня въ свой домъ, и велѣвъ по моему приказанію истопить баню, ввелъ туда своего сына. Когда увидѣлъ я сего молодаго человѣка въ такомъ почти состояніи, въ какомъ мнѣ надобно было, и что не доставало къ его излеченію одного только хотѣнія, то вышелъ изъ его бани, и приказалъ невольникамъ Сарамовымъ

вымъ кричать изо всѣхъ своихъ силъ: горитъ, горитъ, и казать предъ окошками и дверьми больнаго зажженные пуки насмоленной лучины; потомъ вошелъ я опять къ нему съ притворнымъ ужасомъ: Ахъ, государь мой, вскричалъ я молодому сему человѣку, вся ваша надежда на васъ только однихъ! Взгляните, какое разворенїе дѣлается въ Жинжи отъ пожара, половина гòрода ужѐ сгорѣла: пламя простирается къ вашему дому, и мы всѣ опасаемся вскорѣ погорѣть, когда вы не избавите насъ отъ общаго пожара. Сарамовъ сынъ выскочилъ изъ бани въ превеликомъ ужасѣ; да что же надобно здѣлать для утушенїя онаго, сказалъ онъ мнѣ? Ахъ, государь мой, продолжалъ я, дайте свободной проходъ водамъ вашимъ, подобнымъ Ниловымъ порогамъ, они только одни могутъ насъ предохранить отъ пожирающаго пламени. Это правда, отвѣчалъ сей мо-

лодой человѣкъ съ превеликою холодностїю; я о томъ со всѣмъ не думалъ, и со всѣмъ себѣ не воображалъ, чтобъ наводненїе, которое я столь пагубнымъ почиталъ для моего отечества, и для котораго жертвовалъ моею жизнїю, было ему столь полезнымъ. Потомъ, склонясь на мой совѣтъ, выпустилъ онъ весьма изобильно воды, которую удерживалъ онъ чрезъ толь долгое время. Я приказалъ удалять пламя по мѣрѣ того, какъ бы сему молодому человѣку можно было увѣриться, что оное отъ него потушилось. Сїе исполнено было по самой точности, и люди наученные мною, чтобъ притти благодарить его за спасенїе ихъ отъ пожара, окончали смѣшную сїю комедїю, которую всегда начинали, какъ скоро губернаторской сынъ приходилъ опять въ свое дурачество.

Сарама, милостивой государь, благодарилъ меня за то несказаннымъ

нымъ образомъ: онъ заплатилъ весьма щедро за мои совѣты, которые столь полезны были его сыну, что напослѣдокъ онъ совершенно излечился, какъ увѣдомился я о томъ при моемъ возвращенїи: потомъ изъ Жинжи поѣхалъ я въ Негапатанъ, откуда намѣренъ былъ отправиться моремъ въ Серендибъ: но чѣмъ больше приближался я, такъ сказать, къ пристани, тѣмъ больше подверженъ я былъ ближайшей смерти. За нѣсколько ужѐ миль отъ сего города наѣхалъ я двухъ пѣшихъ Индѣйцовъ, которые казались мнѣ быть весьма честные люди. Мы шли нѣсколько времени одною дорóгою, разговаривая между собою о всякихъ постороннихъ дѣлахъ; но какъ я былъ на лошади, и какъ отъ города ужѐ не далеко было, то я почелъ за неучтивость, чтобъ нейти съ ними пѣшкомъ; и такъ слезши съ моей лошади, шелъ я спокойно съ двумя сими товарищами,

ми, какъ одинъ набросивъ мнѣ веревку на шею, оттащили меня съ дороги, и завели въ густой лѣсъ, гдѣ ограбивъ всего, бросили меня въ ровъ, глубиною около двенатцати футовъ. Сіи два злодѣя, о которыхъ я нимало не подозрѣвалъ, привязали потомъ лошадь мою къ дереву, сѣли на краю сего рва, и смѣясь между собою моей простотѣ, дѣлили при моихъ глазахъ всѣ мои пожитки. Эй, государи мои, вскричалъ я имъ, будьте хотя сколько нибудь человѣколюбивы, и когда не пожелали вы предать меня смерти, то не оставьте меня на снѣдѣніе лютымъ звѣрямъ: подайте мнѣ только мой лукъ и мои стрѣлы, чтобъ, пока я буду живъ, по крайней мѣрѣ не растерзану быть ихъ кровожадными зубами. Мои разбойники въ такой малой бездѣлицѣ мнѣ не отказали; они збросили мнѣ мой лукъ и калчанъ: однако скоро были наказаны за свой не-

неразсудокъ прежде нежели они успѣли встать съ своего мѣста. Я пронзилъ ихъ каждаго стрѣлою, отъ которой упали они мертвы, и скатились со всею своею добычею ко мнѣ въ ровъ. Я обобралъ у нихъ назадъ всѣ мои вещи, и положивъ ихъ одного на другова по тѣламъ ихъ, могъ удобно вылезти изъ оной ямы. Потóмъ сѣвъ опять на мою лошадь, поѣхалъ своею дорóгою, и проживъ нѣсколько дней въ Негапатанѣ, отправился моремъ въ Серендибъ, куда благополучно и прибылъ.

Первое мое стараніе по пріѣздѣ въ сей островъ, милостивой государь, было то, чтобъ освѣдомиться, гдѣ могу я найти оную птицу, и я услышалъ съ крайнимъ удовольствіемъ, что она была въ царскихъ садахъ. Потóмъ старался я только сыскать нужной для меня женщины, и для того велѣлъ обнародовать во всемъ островѣ, чтобъ сходились ко мнѣ всѣ жёны

слѣ-

слѣпыхъ мужей. Ихъ пришло великое множество; я предложилъ имъ мое намѣреніе, обѣщая за то чрезвычайныя награжденія; но не нашлась ни одна, которая бы осмѣлилась взойти на опасное дерево, и ни одна не льстила себя быть въ состояніи возвратить зрѣніе Вашему Величеству.

Я несказанно печалился о худомъ успѣхѣ моего предпріятія, и началъ уже, милостивой государь, сомнѣваться о предсказаніи Индѣйскихъ мудрецовъ, какъ царь Серендибской прислалъ по меня одного своего Визиря. Слухъ о моемъ похожденіи разпространившейся по всему острову, дошелъ и до его ушей. Онъ любопытенъ былъ знать объ ономъ чрезъ меня самаго, и я имѣлъ честь, милостивой государь, разсказать ему всю вашу исторію съ самаго начала и по мой отъѣздъ, въ присудствіи одного молодаго пригожаго человѣка и одной покрытой женщины, которая казалась оное слушать съ великимъ движеніемъ.

Сей

Сей монархъ весьма сожалѣлъ о вашихъ нещастїяхъ; однако не могъ воздержаться отъ смѣха, видя меня, что я много тужилъ, не сыскавъ столь добродѣтельной и цѣломудренной женщины, которая бы могла взойти на Серендибское дерево. Я слыхалъ, говорилъ онъ мнѣ, отъ старыхъ людей, что чудная птица, которая находится въ одномъ моемъ саду, есть одинъ духъ, которой за двѣсти уже лѣтъ въ семъ образѣ за нѣкоторую досаду, причиненную одному изъ мудрецовъ, живущихъ на горѣ священнаго огня. Я знаю еще, что она не прежде избавится отъ своей неволи, пока одна женщина, влѣзши на верьхушку того дѣрева, гдѣ она сидитъ, и почерпнувъ сока текущаго изъ ея носа, сойдетъ съ онаго назадъ, не почувствовавъ остроты сего дѣрева, но только надобно, чтобъ сїя женщина толь превосходныя и рѣдкїя имѣла качества, что вѣрно я надѣюсь, что духъ навсегда остане-

нется

нется птицею, и что царь Астраханской симъ посредствомъ никогда не получитъ своего зрѣнія.

Предстоящая въ покрывалѣ женщина огорчилась насмѣшкою царя Серендибскаго. Пусть, милостивой государь, сказала она ему, хотя такая женщина и весьма рѣдко сыскаться можетъ, однако не думаете ли вы, чтобъ уже и совсѣмъ подобной найти не можно было? Естьли вы хотите, государыня моя, чтобъ я открылся чистосердечно, отвѣчалъ монархъ, то думаю, что Абюбекеръ безполезно старается, и что женщина такого особливаго свойства можетъ почитаться выдуманнымъ существомъ. Когда такъ, милостивой государь, отвѣчала женщина, снявъ свое покрывало, то хочу я вамъ доказать противное, и отмстить честь моего пола, которой вы столько презираете. Я сама пойду на опасное сїе дерево, и не столь буду труслива, какъ многїя другїя женщины, которыя равномѣрно какъ и я, имѣютъ

ютъ всѣ добродѣтели потребныя для восхожденія на сіе дерево, да только не довольно смѣлы и отважны. Вы, государыня моя, вскричалъ царь Серендибской съ великимъ восхищеніемъ! Вы ли хотите итти на толь опасное дерево? разсудивъ ли вы хорошенько это говорите? И хотя бы я вамъ въ томъ дозволилъ, однако вздумайте, что вы не имѣете всѣхъ потребныхъ къ тому качествъ, что должно для сего быть женѣ слѣпова, и что вашъ мужъ имѣетъ оба глаза. Этимъ, милостивой государь, не извольте безпокоиться, отвѣчала съ холодностію сія женщина, я открою вамъ сію тайну, когда придетъ время, но добродѣтель моя не дозволяетъ мнѣ болѣе медлить въ сисканіи излеченія царю Астраханскому.

Сей монархъ, милостивой государь, тщетно сопротивлялся желанію оной женщины; она твердо стояла въ своемъ намѣреніи: и только лишъ ея уговорить могъ, чтобъ

отло-

отложила она исполненїе своего предпрїятїя доутра. Я по приказанїю царскому ночевалъ оную ночь во дворцѣ; и какъ слухъ разнесся по всему острову, что наконецъ нашлась женщина, чтобъ взойти на опасное дерево; то царской дворецъ на разсвѣтѣ дня окруженъ былъ безчисленною толпою его подданныхъ, которые просили его о дозволенїи быть зрителями сего великаго чуда. Онъ не могъ имъ отказать сего удовольствїя: вороты въ садъ отворили, и сей государь, которому конечно оная женщина о себѣ открылась, не имѣя больше причины отвращать ея отъ своего намѣренїя, велъ ея за-руку до самого дѣрева. Тогда сняла она съ себя длинное платье, которое могло бы ей мѣшать, и взошедъ съ великою легостїю по вѣтвямъ на верьхушку онаго дѣрева, наполнила золотую фляжку каплющимъ изъ птичьяго носу сокомъ, и сошла опять на низъ

съ такоюже удобностїю, какъ и взошла на оное. Тогда воздухъ наполнился тысячекратными радостными и удивителъными восклицанїями; но удивленїе зрителей еще больше умножилось, когда увидѣли, что птица полетѣла на воздухъ, а дерево такъ засохло, что не осталось на немъ больше ни одного листочка.

Царь Серендибской не могъ довольно надивиться сей женщинѣ, которая толь очевиднымъ примѣромъ доказала свою добродѣтель и супружескую любовь. Сколь благополученъ Шемсъ-Эддинъ, вскричалъ онъ, имѣть у себя такую жену! Ахъ, любезной мой Абюбекеръ, пожалуй засвидѣтельствуй ему, сколь чувствителъно я радуюсь его благополучїю: оно столь велико, что ничего съ нимъ я сравнять не могу.

Покрытая женщина услышала сїи похвалы съ скромностїю, которая еще больше возвышала сїянїя

ея

ея красоты. Что еще вамъ сказать? милостивѣйшій государь, продолжалъ докторъ, пробывъ въ Серендибѣ столько дней, сколько надобно было для пріуготовленія къ нашему отъѣзду; поѣхали мы оттуда будучи осыпаны благодѣяніями и щедростію могущаго и разумнаго монарха, царствующаго тамъ съ великимъ правосудіемъ и кротостію, и прибыли въ Ормусъ безъ всякаго приключенія и опасностей, которымъ обыкновенно подвержены бываютъ въ толь дальнемъ мореплаваніи. Потомъ переѣхали мы всю Персію; прибыли благополучно въ Астрахань, гдѣ только лишъ, милостивѣйшій государь, сей часъ и притомъ изъ собственныхъ устъ несравненной Зебдъ-Эль-Катоны провѣдалъ я, что Абенъ Азаръ не подлинной ея супругъ, какъ я всегда его почиталъ, и что имѣлъ я щастіе при возвращеніи вамъ зрѣнія, возвратить въ тоже время,

и

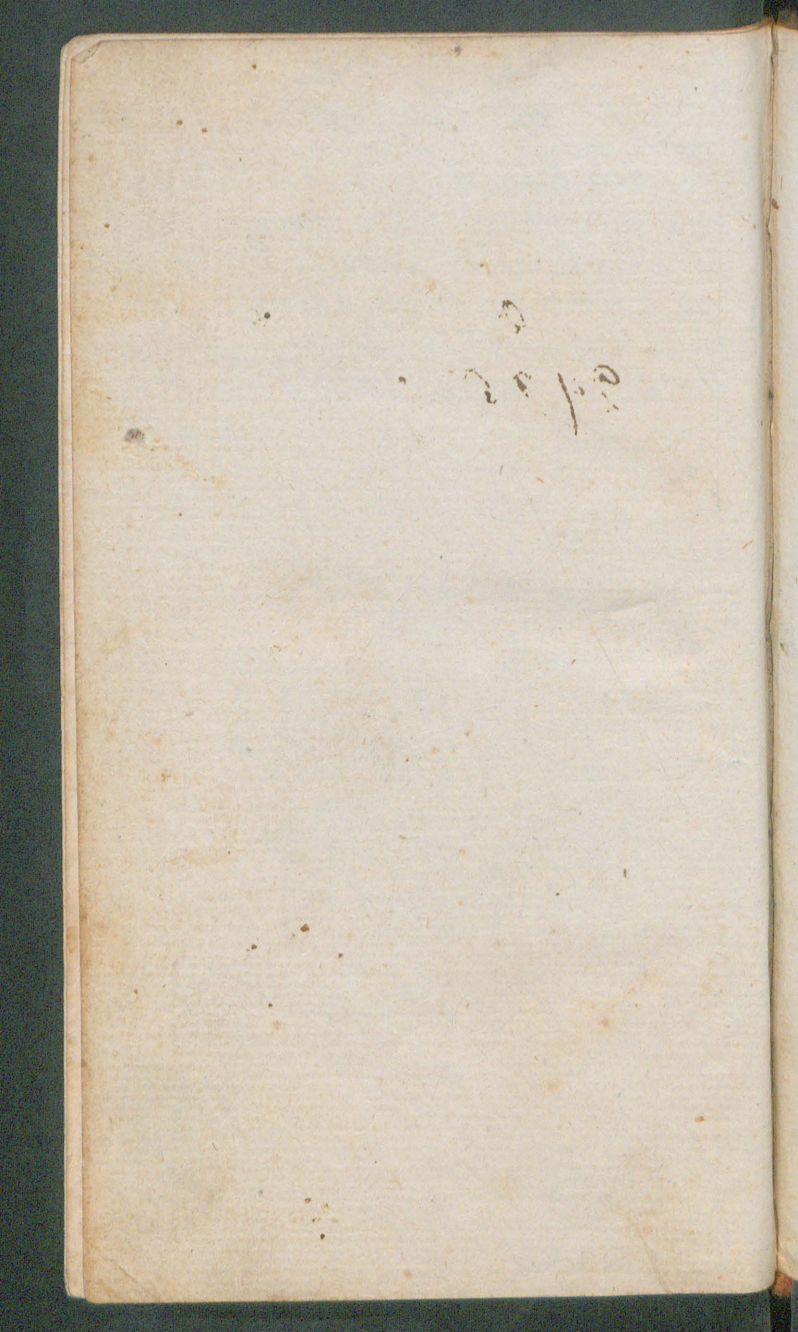
и не вѣдая самъ достойную вашу супругу, которую вы толь долгое время оплакивали, и безъ которой ваша радость былабы не совершенною. Дай боже, милостивѣйшїй государь, чтобъ вы наслаждались съ несравненною вашею царевою благополучїемъ, непрерываемымъ ни болѣзнями, ни старостїю, и чтобъ по кончинѣ вашей опредѣленныя вамъ за вашу любовь райскїя дѣвицы, единственное свое благополучїе поставляли въ томъ, чтобъ быть отъ васъ столько же любимымъ, какъ нынѣ неоцѣненная Зебдъ-Эль-Катона.

Желанїя Абюбекеровы, которой такимъ образомъ окончилъ свою исторїю, имѣли совершенное дѣйствїе: Шемсъ Эддинъ, щастливой Шемсъ-Эддинъ, наградивъ доктора, Абенъ-Азара и Бенъ-Эридуна, своею щедростїю, жилъ въ совершенномъ согласїи съ своею супругою, отъ которой имѣлъ многихъ дѣтей достой-

достойныхъ наслѣдниковъ ихъ добродѣтелей, и они чувствовали еще одинъ къ другому въ престарѣлыхъ ужè лѣтахъ ту горячность, которая, кажется, свойственна быть можетъ однимъ только молодымъ людямъ.

КОНЕЦЪ.

104

832 3

2496

